

ПАМЯТНИКИ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СОБРАНИИ ГОРНО-АЛТАЙСКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Предисловие

Алтай богат памятниками древности. Всемирно известны произведения культуры и искусства, добытые археологами в его прекрасных горных долинах и сохраняемые ныне в крупнейших музеях страны: Государственном Эрмитаже. Кунсткамере. Музее этнографии в Санкт-Петербурге, Государственном Историческом музее в Москве. Значительно меньше знают люди те культурные сокровища прошлого, которые хранятся в Республиканском краеведческом музее в самом Горно-Алтайске. Это несправедливо, поскольку, во-первых они, взятые в целом, нисколько не уступают по значению всем прочим, а во-вторых, для познания мира наших предков и, прежде всего, их духовной жизни всякое древнее свидетельство есть подлинная драгоценность. На осознании этого стоит целая наука - археология.

Особое достояние Алтая - древнейшие памятники письма тюркоязычных народов Евразии: раннесредневековые рунические надписи. Хотя об их существовании науке известно уже 180 лет 2 (Г.И.Спаский впервые издал копии обнаруженных им наскальных надписей на р.Чарыше в 1818 г.), но изучены они очень мало. Те рунические строки, которые уцелели до наших дней, вырезаны на гладких поверхностях скал и, гораздо реже, на вертикально установленных памятных плитах. Каждый из этих кратких текстов - поистине бесценное историческое свидетельство, полученное не из летописей далёких стран, обременённых собственными делами и представлениями, а из уст и рук самого древнего местного населения Алтая. Многие такие надписи ещё предстоит разыскать, но уже сегодня их известно не менее полусотни. Совершенно очевидна первостепенная задача науки - издание полного свода рунических надписей Алтая и их возможно полное изучение.

Настоящая публикация, таким образом, отвечает сразу двум необходимым требованиям: ею начинается обнародование культурных сокровищ Республиканского музея и закладывается издание всех известных науке рунических текстов Алтая. Надо надеяться, что и то, и другое направление будут продолжены - сотрудники музея подготовят к изданию другие коллекции своих многообразных фондов, тюркологи и археологи станут знакомить мир с постигнутой мудростью грамотеев-предков.

Ныне в собрании Республиканского краеведческого музея в Горно-Алтайске находится три письменных памятника, содержащие пять надписей, выполненных так называемой древнетюркской рунической письменностью. Несмотря на малочисленность коллекции в ней представлены сразу несколько сфер рунической эпиграфики Алтая: надписи на предметах и наскальные надписи. Разнообразно и исторически значимо, как увидим, и их содержание. Надписи происходят из трёх различных мест Республики, но все они расположены в бассейне р. Катунь.

Раньше всех, в 1935 г. в музей поступил серебряный сосудик, найденный при раскопках кургана у д.Туюхта участником Саяно-Алтайской экспедиции директором Горноалтайского (тогда Ойротгуринского) музея С.М.Сергеевым.

О времени перевозки с писаницы на горе Бичикту-Бом в музей плиты, содержащей три строки надписей, существуют противоречивые сведения. Согласно воспоминаниям музейных работников она попала в фонды в 60-х гг. Подтверждающих эту версию документов нет, но известно, что в 1964 г. камень был ещё на месте, где его изучал К. Сейдакматов. В литературе есть упоминание о доставке камня сотрудниками музея в 1974 г. По рассказу Тамары Ивановны Сабаевой, учительницы дер. Бичикту-Бом, прекрасно знающей местонахождение рисунков и надписей и указывавшей их многим приезжавшим учёным, несколько камней с писаницы увезены бывшей директрисой Горноалтайского музея Л.А.Давыдовой, работавшей в этой должности с 1968 по 1980 г. По мнению В.А.Кочеева, большого знатока истории изучения древностей Алтая, помогавшему мне при выяснении условий поступления в музей надписей Бичикту-Бом и Купчегень, перевоз плиты с надписью скорее всего произошёл в 1972 или 1973 г., поскольку именно тогда музей активно свозил в свои фонды памятники древней культуры, прежде всего изваяния.

Самым поздним поступлением является костяная поделка с вырезанной на ней рунической надписью, обнаруженная школьником в 1987 г. в окрестностях д. Купчегень и переданная в музей в 1991 г. учителем В.М.Моносовым.

Все собранные в Горно-Алтайске письменные памятники были изучены мною в августе 1994 г. . уточнения произведены в феврале 1996 г. Эта работа с подлинниками позволяет сегодня предложить новые прочтения над- писей. Приношу глубокую благодарность за содействие директрисе музея Р.М.Еркиновой и археологу В.А.Кочееву. а также московскому инженеру А.С.Должикову, специально изготовившему рунический шрифт.

применяемый на этих страницах.

* 1 *

В тексте работы приняты следующие условности. Строка надписи сокращённо обозначается стк. с соответствующей римской цифрой, арабская цифра указывает порядковое положение обсуждаемого рунического знака (при счёте справа налево, в направлении письма). Для транслитерации и транскрипции применены знаки "Древнетюркского словаря" (Л., 1969). Ими же, ради единообразия, переданы и записи изучаемых надписей, предложенные ранее другими тюркологами. Пара подчёркнутых букв передаёт один рунический знак оригинала. При прочтении надписей в круглые скобки помещены привнесения, необходимые по смыслу, в квадратные - восстановленные повреждённые знаки и слова. Применяются сокращённые обозначения известных письменных памятников: КТм, КТб - Кюль-тегина (малая или большая надпись). БК - Бильге-кагана (Могиляна). Тон -Тоньюкука. КЧ - Кули-чура, Е - енисейских (далее © по сводным спискам). ИВ - Гадательной книжки" (irq bitig). После этих букв следуют цифры, указывающие строку текста.

В тюркологии принято именовать письменные памятники по географическим названиям мест их нахождения. Если несколько надписей обнаружено рядом, они получают номера римскими цифрами. Когда внешне еди-ный текст оказывается составленным разными людьми, каждую его часть после дробли отмечают арабской циф-рой. В данной брошюре по этой схеме обозначены надписи Туяхты и Бичикту-Бом. Их следует понимать так: Туяхта 1 - "Письменный памятник из могильника Туяхта, надпись 1"; Бичикту-Бом II/1 - "Второй письменный памятник со скалы Бичикту-Бом, надпись 1" и т.п.

Все иллюстрации - карта, рисунки предметов, прорисовки надписей и знаков, - выполнены автором. На приводимых схемах последовательности начертания букв и знаков (рис. 2, 7. 9) стрелки указывают направление резьбы, а цифры - порядок нанесения борозд. Отсутствие этих показателей свидетельствует о неясности ситуа-ции.

Рис. 1

Надписи на туюхтинском сосуде (рис. 1,2)

В 1935 г. в связи со строительством Чуйского тракта на Горном Алтае работала руководимая С.В.Киселёвым и Л.А.Евтюховой Саяно-Алтайская экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного Исторического музея. С.М.Сергеевым, возглавлявшим один из отрядов этой экспедиции, при раскопках кургана 3 могильника Туяхта был обнаружен серебряный сосуд с тамгой и надписью на донце. Тогда же он был передан на хранение в краеведческий музей г. Ойрот-Тура (ныне Горно-Алтайск).

Первая публикация надписи была осуществлена С.В.Киселёвым в 1939 г. по полученной из музея прорисованной фотографии, текст представлен в наборном воспроизведении, предложено чтение: *g\ш q (a) t (u) n kum (ii) s (a) y (i ') (e) r* "ханьши Нюр серебро подать" 8 . В 1941 г. С.В.Киселёв, изучив оригинал, издал хорошую фотографию сосуда и ретушированный снимок надписи; изменилось восприятие начальных знаков: *t (u) rk sa kum (ii) s (a) y (i) (e) r* "Тюрк-Ша серебро подать (дар)". Это чтение было ещё дважды повторено исследователем - в 1949 и 1951 г.. переиздавались и фотоснимки 9 . В 1950 г. А.Н.Бернштам указал на сомнительность чтения с подстановкой конечных гласных 10 .

Новые результаты изучения предмета в 1963 г. обнародовал А.К.Боровков. Тюрколог, по-видимому, использовавший иные фотографии донца, дал описание надписи и сопутствующих знаков (по его мнению идеограмм): тамга воспринята как изображение птицы. В работе издан новый фотоснимок донца, надпись представлена наборным воспроизведением, предложен вариант прочтения: *t (e) r (i) l (a) sa (e) k ums (u) y (e) r* "Собирайся. Вкушай. До брый герой Умсуг". А.К.Боровков указал на сомнительные места в чтении С.В.Киселёва и разобрал своё прочтение, также содержащее сложности. Исследователь допускал, что надпись была вырезана в два приёма и первые три буквы нанесены позднее остальных, четвёртый знак был для него неясен (принимая его за *s* , тюрколог, вероятно, в определённой мере следовал за археологом) 11 .

В 1969 г. памятник, включённый в перечень алтайских рунических надписей, получил индекс А 3. в 1976 г. предложено иное обозначение - А 4 12

Сосудик из туяхтинского кургана (рис. 1.1) ныне имеет инвентарный © 929/14 (старый его ©. сохранившийся внутри горла. - 9-183). Его высота 9.7 см, диаметр тулова 9,5 см. Диаметр горла составляет 7,3 см, а донца - 7.7 см. Центральная часть дна (диаметром 4,6 см) несколько углублена. Знаки и разнообразные резы наносились на дно неоднократно и различными инструментами (рис. 1, 2).

Центральный круг занимают два тамговых знака, вырезанных один поверх другого и размещённых вершинами в разные стороны, под углом в 90° (рис. 1, 2). Первым был нанесен скобообразный гербовый знак, высотой 2.7 и шириной 3.6 см (рис. 1. 3). Образующие его борозды довольно глубоки и широки, резец передвигался с не- большим наклоном, поэтому один борт царапин замят (обычно правый, но у левого отводка - левый). Дуга вы-ведена слева направо (сосудик при этом вращался), пересекающая черта и отводки вырезаны после неё (рис. 2. 1).

Вторая тамга (рис. 1, 4) перекрывает описанную и создана более глубокими и узкими бороздами. В этом случае резец перемещался отвесно, оба борта царапин замяты в равной мере. Край борозды у начала имеет округлую форму, у окончания сходит на нет, превращаясь в волосяную черточку. Абрис знака создан глубоко прогнутой и сходящейся у верха дугою, края которой округло загнуты на стороны. Все элементы знака последовательно выво-дились справа налево: сначала - короткая правая кривая, затем основная дуга (она вырезана в три этапа, для чего сосудик медленно вращался слева направо) и, наконец, левая дужка (рис. 2, 2). Царапина, идущая от последнего элемента направо и заворачивающаяся внутрь фигуры, не имеет к ней отношения, поскольку нанесена позднее и иным, более тонким резцом. Никак не связан ни с одним из тамговых знаков и вырезанный в центральной части донца короткий зигзаг (рис. 1. 2).

Самостоятельны и два знака, нанесённые на широкую внешнюю часть дна правее надписей (рис. 1. 2). Косой крест образован многократным повторением каждой линии, глубоко нанесённой очень тонким резцом. Фигура в виде двухсторонней секиры вырезана широкими бороздами иного, чем у тамг, облика. Резец двигался здесь пер- пендикулярно поверхности (рис. 2, 3).

Средневековые тамги, похожие на те, что вырезаны на сосуде, мне не известны 1 Первый геральдический знак, имеющий четыре графических компонента (рис. 1. 3). по сложности своего облика, может быть сопоставлен с подобным построением известных древнехакасских тамг, существовавших в конце IX , в начале и. может быть, в середине X в." Опираясь на это сходство, допустимо заключить, что обе тамги туяхтинского сосуда не могли появиться ранее конца IX - начала X в. Но поскольку они, судя по следам различных резцов, прямо не связаны с надписями, даже эти примерные хронологические определения не могут быть распространены на время создания рунических письмен.

О дополнительных крестовидных знаках, нанесённых на донце с краю (рис. 1, 2), нельзя сказать ничего определённого. Судя по подобным начертаниям, встречаемым и на других серебряных сосудах (например, на кубках из могилы 19 Уйбатского чаатаса в Хакасии 15 и из кургана 1 могильника Курай IV на Алтае 16), эти резы не имеют прямого отношения к тамгам и надписям. Указанные аналогии, судя по облику сопроводительного погребального инвентаря, относятся к концу VIII - началу IX вв. 17

Хотя рунические знаки внешне составляют единою строку (рис. 1, 2). но надписи тоже наносились на донце дважды (согласно последовательности создания обозначу их как Туяхта 1 и Туяхта 2). Судя по следам использо- ванных инструментов и манере резьбы, они не были прямо связаны с тамгами. В этом, пожалуй, убеждает и их размещение. Письмена оказываются над вершиной ранней дугообразной тамги I и по отношению к ней разме-щены кверху ногами (такого положения текста мы не встречаем более ни на одном из шести известных сосудов надписями). Для более поздней тамги II они находятся слева, что привычнее, поскольку подобное можно наблю-дать на катандинском кубке и. менее

уверенно, на безадресном сосудике из Хакасско-Минусинской котловины, хранящемся в Государственном Эрмитаже 1 .

Обобщённо воспринимаемая строка надписей дугообразна, длина её хорды составляет 5,1 см. Все буквы по-вёрнуты основанием ко внешнему краю донца (рис. 1, 2).

Текст Туяхта 1

(рис. 1. 2, 5; 2. 4)

Состоит из пяти знаков, образующих левую часть слившихся воедино двух надписей. Общая протяжённость граффито 2,5 см. высота букв 9 мм (однажды 8 и 5 мм). Начало строки расположено выше остальной части, уже с третьего знака прижавшейся ко внешнему краю донца сосуда. Такая форма размещения знаков не соответствует расположению букв соседней краткой надписи, рассматриваемой далее отдельно как текст Туяхта 2.

Транскрипция: kiimiis auir

Перевод: драгоценное серебро

Разбор

1-4. С.В.Киселёв правильно понял это слово: kiimuS "серебро". Учёт палеографических особенностей надпи-си, указывающих на её алтайское происхождение, позволяет ныне обосновать такое прочтение, исходя из специ-фики местной орфографии (см. далее).

4-5. Знание алтайского рунического правописания помогает и в прочтении двух последних знаков. Прямой смысл слова auir - "ценный, дорогой" . Оно уже встречалось в памятниках рунического письма - ив орхон-ских" . и в двух енисейских. В них оно имеет производное значение "уважаемый, почтенный, почитаемый" и ха-рактеризует, главным образом, людей. В Е 55. 3 - q (a) nc (a) y (i ') r : tol (a) s ur (i) g "столь уважаемый (или: многоува- жаемый) Тёлсш Тириг", в Е 98. 3 - (a) y (i ') r q (a) n "почитаемый правитель".

Необходимо отметить обратный порядок слов в словосочетании ktimus auir "драгоценное серебро". Подобное построение встречаем и на близком по смыслу граффито Е 81 на донце золотого кубка, найденного в кургане конца VIII - начала IX в. у с. Копёны в Хакасии - его следует читать Г V Y Э > ? - J (a) ltun s (a) y i "чистейшее золото".

Орфография

Хорошо известно, что в азиатских рунических азбуках (и в орхонской. и в енисейской) практически для каж-дого согласного существовало по две непохожих буквы, поскольку различались знаки, обозначающие согласные в твёрдых и в мягких слогах. Этот алфавитный строй захватывает и некоторые руны для гласных (прежде всего для губных, мягких и твёрдых - различаются ц/б и и/о. - а в енисейском письме - и для широких негубных глас-ных: есть отдельные буквы для а и а). Благодаря всему этому, основы классического рунического правописания в полной мере отражают главный закон звучания тюркской речи (так называемый закон гармонии гласных), по тре-бованиям которого в одном слове могут быть либо только твёрдые, либо только мягкие гласные звуки - для за-писи каждого слова могут быть употреблены либо только буквы для твёрдых звуков, либо только для мягких.

Но в рунических надписях - ив орхонских. и в енисейских - нередко встречаются нарушения этих правил правописания, единорядность применённых знаков не соблюдается. По большей части такие отклонения распро-страняются не на основы слов, а на присоединяемые к ним аффиксы" 1 . Исследователи, заметив эту особенность ещё при дешифровке рунического письма, объясняют её

возможным в раннесредневековую эпоху сохранением определённой звуковой независимости аффиксов от основы слова 22 или сближением звучания твёрдого звука с мягким (в отношении *i* и *i*) 23 .

Несоблюдение рядности применяемых знаков - нередкая и характерная черта рунических надписей, найденных на Горном Алтае. Здесь это явления далеко выходит за пределы записи одних лишь аффиксов и обычно выражается в использовании мягкорядных букв вместо ожидаемых твёрдорядных. Именно такое нарушение классической рунической орфографии и наблюдается на изучаемом сосуде в записи слова *auir* . где рядом с твёрдорядным *5 i* с у взамен ожидаемого *Mr 1* употреблено *Yr 2* . Как видим, ошибочное написание распространяется здесь на основу г слова. То же встречаем в ряде камнеписных рунических текстов Горного Алтая.

Наиболее явно подобное правописание выступает в эпитафийном тексте Бар-Бургазы 1, где оно распространяется даже на обозначение гласных:

Транслитерация надписи имеет следующий вид : *orja: s 2 zma : kirzd'rt 2 i : kkuj~d 2 a : kis 4 a : dVIVm*.

Прочте-

ние же текста здесь заметно отличается от написанного: *or | a (e) s (i) z (i) m - a (i) kit (a) z (a) d (i) rti (a) q qujda kis (i) gja*

(a) d (Or (i) lt (i) m "с (моим) князем, о горе, (меня) гибельная алчность разлучила; с (моей) женою (находящейся) в

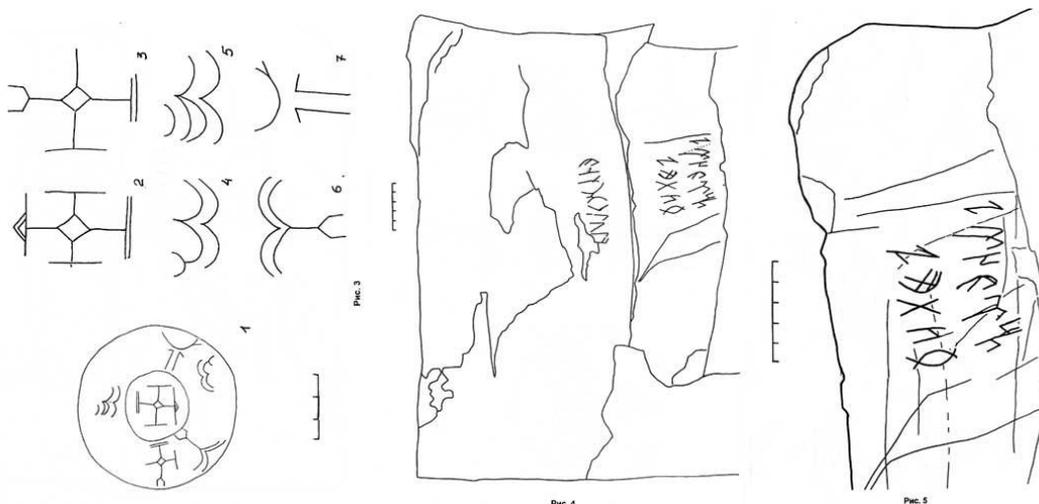
белом тереме я разлучился". Вторая подобно начертанная надпись - Бар-Бургазы II -

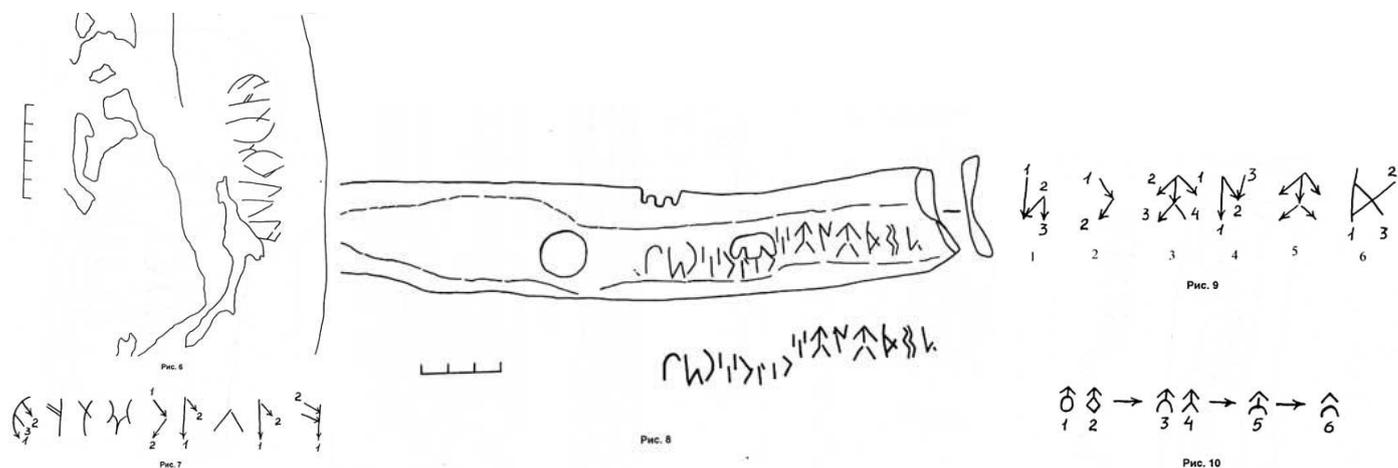
9 > h > h транслитерируется *t 2 u (o) t 2 u (o) k . a* читается, наиболее вероятно, как *tutuq* (мужское имя собственное) 21 . Третья надпись наскальная - Ялбак-Таш XXIII (чтение которой здесь публикуется впервые) :

4 flr(ii) M b 2 (i)t 2 (i)d 2 (i)m (a)n'(a)c(i)m (a)d l (i)r 2 (i)l 2 d 2 (i)m(i)z "(Это я) Юрюнг (букв , благородный) написал . С моей матушкой мы разлучились". То же орфографическое явление предстоит встретить далее и при изучении надписи Бичикту-Бом И/2.

Встречаются и иные случаи нарушения классической рунической орфографии. По крайней мере в трёх ал-тайских наскальных надписях можно увидеть начертание руны для твёрдого губного гласного *> u /o* там, где, судя по окружающим буквам, по правильным нормам нужен знак для мягкого *t * u /6: > "*? *T h > 6 t (u) rkiï* - имя собственное (буквально: "пробойник, сверло") (Мендур-Соккон I), а также в неразобранных пока сочетаниях : *=? Y И C Y > : и И > Y : -* Мендур-Соккон II, как, вероятно, и в Мендур-Соккон IV . Именно в этой манере, как мы видели, на туяхтинском сосуде написано слово *kiimus - I >? > 9 kum (ii)§*.

Остаётся обратить внимание на то, что для передачи звука *s* в нашем случае употреблена руна I, чаще передававшая в енисейских надписях звук *s "*.

Палеография

Учитывая вид руны 5 i с у (знак 4), можно было бы отнести изучаемую надпись к енисейской письменности. Но облик примененной здесь руны >§ш (знак .1) - с дугообразной правой и крестовидной левой частями - по-звляет уточнить определение. Буква такого вида не известна в собственно енисейских надписях. Хотя она, веро- ятно, и сложилась под воздействием этого письма, но явно сохраняет характерным черты знака орхонского ал- фавита и служит одним из оснований для выделения алтайского варианта енисейской письменности". Посколь- ку и сам изучаемый сосудик найден на Горном Алтае, становится ясно, что надпись нанёс местный писец. В этом уже убедили нас и особенности правописания данного краткого текста.

Для всех пяти букв надписи может быть прослежен порядок начертания знаков (рис. 2. 4). Общей зако- мерностью здесь служит первоначальное нанесение правых черт букв (будь то длинные вертикали и дуги или ко- роткие верхние части коленец) - не только общее направление письма, но и сложение каждого знака шло справа налево. Эту манеру стоит запомнить в интересах сравнения со второй надписью сосуда. По той же причине обра- тим особое внимание на порядок формирования буквы Yr 2 : правый верхний рожек - левый верхний рожек и вертикаль стволика - нижнее дополнение к нему - затем оба верхних боковых отводка.

От расположенной правее второй надписи нашу строчку отличает и след применённого инструмента: бороз- ды мельче и легче. Резец двигался с наклоном, что вызвало замятость правой стороны борозд (лишь при создании последней буквы Yr 2 остриё приняло отвесное положение - у царапин замяты оба края). Несмотря на сходную манеру держать инструмент, здесь применён иной резец, чем при создании ранней дугообразной тамги I .

Текст Туяхта 2

(рис. 1,2,6; 2,5)

Состоит из пяти знаков, образующих правую часть слившихся воедино двух надписей. С лёгким изгибом строки письма протянулись на 3 см. Высота букв 6-7 мм (последней - 8 мм). Эти знаки мельче рассмотренных ранее как текст 1. На отличие обеих надписей и порядок их нанесения на донце указывают и другие черты разби- раемого граффито. Руны не соблюдают здесь дугу края донца кубка и постепенно отступают к его центру - оче- видно, писавший опасался наступить последними знаками на начальные буквы уже имевшего левее текста 1. На

это же указывает теснота размещения завершающей один текст руны >Га/а и начинающей другой буквы 9 к - просвет между ними заметно меньше, чем у предшествующих знаков 1 Ylf И. В целом создаётся впечатление, что автор второй надписи стремился присоединить свои письма к уже имевшимся, дополняя таким образом ранее существовавший текст. Прочтение не противоречит этому предположению.

Транскрипция: tenhr

Перевод: (Подати,) будьте выплаченными (этим ~ кубком)

Разбор

1-4 Тремя первыми рунами записана глагольная основа teril =. Использование этого глагола в вызвавшем со- мнения составителей "Древнетюркского словаря" значении "быть оплаченным, быть выплаченным" отмечено только для одного памятника уйгурского письма первой половины XIII в. 28 На туяхтинском кубке такое слово к месту, поскольку факт выплаты дани сосудами из драгоценных металлов для раннесредневековой Южной Сибири надёжно устанавливается содержанием надписи E 82 на золотой бутылочке из Копёнского чаатаса в Хакасии (конец VIII - начало IX вв.): 4 i >? ИГ'Я 4 : 1 Ъ t * i ' } t * Y C ^, которую по-моему следует читать b (e) gluk kum (u) s b (e) rt (i) in (i) z "предназначенную бегу подать (букв, серебро) мы даровали" 29 .

Четвёртая руна надписи, вырезанная поперек некоего тонкого 3-образного начертания, вероятно, есть буква i t|. выведенная в зеркальном повороте направо. Здесь ею обозначен показатель повелительного наклонения 2 лица множественного числа (или почтительной формы единственного числа) =z|. Объяснять эту грамматическую форму, по-видимому, следует тем, что сосудик некогда входил в набор кубков или иных предметов, выплачиваемых в виде дани (ср. находку четырёх сосудов на одном блюде в упоминавшемся погребении Копёнского чаатаса). Аналогичное оформление глагола встречаем в благопожелательной надписи на донце серебряного сосудика из Хакасско-Минусинской котловины, хранящегося в Государственном Эрмитаже: 1 "4 > d & Ч'-4 > i) V J л (a)11(Г)уBo1 (i) nl (i) g bol (u) r | "будь(те) имеющим имя, будьте имеющим тамгу" 30 .

5. Последняя руна ^a/a не имеет в надписи звукового значения, она играет роль знака, указывающего на завершение текста.

Орфография

В отличие от разобранных выше псевдорунического правописания текста Туяхта 1. разбираемая надпись выдержана в нормах классической рунической орфографии. Это расхождение также указывает, что перед нами две самостоятельные надписи, созданные разными людьми. Особенностью нашего текста служит применение конечного знака в виде руны >Га/a. Такое его назначение, как и применение в виде словоразделительной отметки, отличает надписи алтайского варианта енисейского письма, распространённые на территории Горного Алтая и Монголии. Примерами могут служить публикуемые ниже строки Бичикту-Бом II /1 (рис.4), надписи на знамени- той чуйской скале Ялбак-Таш 3', руническое граффито на китайской монете 32 . Уже этой орфографической детали вполне достаточно для вывода о том, что изучаемую надпись Туяхта 2 нанёс местный грамотей.

Палеография

Сказанное позволяет отнести надпись к алтайскому варианту енисейской письменности, что подкрепляется характерным обликом руны ht 2 , имеющей укороченный вид правого коленчатого отводка. И.В.Кормушиным такая особенность облика расценивается как примета енисейских надписей и относится ко времени позднее середины IX в. 33 Мне остаётся указать, что знаки такого вида очень обычны в надписях Горного Алтая - только по литературным данным, теперь уже неполным, их удалось отметить 14 раз в 8 письменных памятниках (против 7 случаев применения другой разновидности этой буквы, встреченных в 5 надписях) 34 .

Третий рунический знак надписи, понимаемый как Yl 2 , не имеет здесь выраженной развилки, а значит, может быть прочитан и как l г), а при учёте прогиба его основного вертикального ствола, и как ^ к характерного для алтайских надписей мягкого облика 35 . Однако первая из этих двух формально существующих возможностей вступает в противоречие с иным разворотом знака l г) (руна 4), а вторая не приводит к чтению, согласующемуся с возможным содержанием вторичной надписи на пиришественном кубке.

Четвёртая руна текста вычленяется среди резов иного происхождения. До нанесения на донце надписи в этом месте был тонкой бороздкой неглубоко и прерывисто начертан 3-образный знак (рис. 1, 2). Он не только нанесён другим резцом (тонкими царапинами сформированы, например, и первые две буквы разбираемой надписи), но и другой рукою. Инструмент в этом случае перемещался отвесно к поверхности, в то время как все без исключения руны выведены с некоторым наклоном резца, вызвавшим замятость левого борта бороздок (лишь к концу строки возрастает давление на резец и появляется лёгкая замятость их правой стороны). Кроме того ясно различимо, что ствол четвёртой буквы нанесен поверх 3-образных резов. Из-за низкого начала левого отводка эту руну можно понимать и как вывернутую направо "41, что, однако, ничего не добавляет к пониманию надписи. Избранное мною прочтение основывается, во-первых, на тенденции низкого расположения отводков, характерной для букв этой надписи и заметной по третьему знаку YI, во-вторых, на нередком существовании в енисейских надписях правого разворота буквы 1 ту 16. Остаётся отметить, что у четвёртого знака надписи есть ещё один короткий штришок, косо пересекающий ствол у вершины. Он оставлен орудием, сходным с тем, которым создана вся надпись. Но у этой борозды замяты оба борта и она нанесена поверх основного ствола буквы - всё это позволяет считать его не относящимся к надписи.

Для первых четырёх букв надписи удаётся проследить порядок их начертания (рис. 2, 5). Главной его особенностью является последовательное вырезание сначала левых линий каждого знака - вопреки общему направлению письма ход создания каждой отдельной руны шёл слева направо (ср. обратное направление формирования знаков в тексте Туяхта 1). Важно отметить, что наравне с прочими показанными палеографическими отличиями от надписи 1 (размером и расположением букв, следами резца направлением начертаний), здесь встречается и совершенно иная последовательность создания буквы Yr: сначала левое плечо развилки, затем, вероятно, правое плечо (или левый отводок), следом - правый отводок и, наконец, вертикаль.

Историко-культурные выводы

Прежде всего следует обратить внимание на факт, прямо не связанный с содержанием надписей. До попадания в могилу туяхтинский серебряный кубок побывал в руках нескольких сменявших друг друга владельцев. Двое из них последовательно вырезали в центре его доньшка свои личные гербовые знаки, дважды наносились и не связанные с тамгами краткие рунические надписи. В первый раз гравировка подтверждала высокое качество серебра - "Драгоценное серебро". во второй - акт выплаты дани, в состав которой входила эта пиршественная чаша: "(Подати.) будьте выплаченными". Кто мог наносить надписи такого содержания?

Указывать качество серебра и ценность сосуда нанесением специального краткого текста не было, очевидно, нужды ни мастеру-создателю, ни владельцу чаши. Рунические надписи, подтверждающие высокую стоимость сосуда, очень редки. Кроме туяхтинского известен лишь ещё один подобный текст - упоминавшееся граффито Е 81 на одном из копёвских золотых сосудов: "Чистейшее золото". Но в том случае рука, выведшая надпись, вырезала и тамгу в центре донца.

Для объяснения ситуации обратимся к культурам и народам, у которых создавать подобные надписи было делом более распространенным. Таковы, например, среднеперсидские и согдийские культуры, в которых надписи на серебряных сосудах обычно содержат указание веса изделия, подтверждающее его ценность (например: "37 статов" - надпись © 16 по каталогу К.В.Тревер и В.А.Луконина). Эти данные часто сопровождаются именем владельца сосуда (в нашем случае заменявшегося личной тамгой): "Рамен. 230 драхм" (© 8). Текст может быть и пространнее: "Вес 253 драхмы, собственность Пирозана" (© 1). "Собственность Пирозана. Вес - 244" (© 2). "Собственность Бурзенвараза. сына Хосрова. Из 219 драхм" (© 6) и т.п. 38 Иногда можно заключить, что надписи наносились мастерами-торевтами и отражают имена заказчиков. "Этот сосуд Пур-и Вахман приказал сделать. 302 весовых драхмы" (© 3) - звучит полная формула такого текста.

Учитывая сказанное, можно полагать, что на копёвский сосуд тамгу его владельца и надпись "Чистейшее золото", скорее всего, нанёс древнехакасский ювелир и торева - создатель этого кубка. Этим он одновременно указывал и на высокую ценность изделия, и свидетельствовал право на него заказчика 39. Подобной уверенности нет в истолковании первой надписи туяхтинского кубка,

поскольку его тамги и надписи были нанесены разными людьми В этом случае текст мог быть составлен дарителем пиршественной чаши. На примере другого упоминавшегося сосуда (из Эрмитажа), надпись на котором содержит благопожелание 40 . можно убедиться в том, что обычай наносить краткие надписи на сосудах-подношениях существовал в раннем средневековье у тюркоязычных народов Южной Сибири.

Характер таких подношений не ограничивался подарками по случаю личных праздников. Приводившаяся выше надпись E 82 на втором копёвском золотом сосуде прямо указывает, что уже на рубеже VIII и IX вв. драгоценные пиршественные кубки входили в состав особой подати, выплачиваемой господину-бегу его вассалами и имевшей определённое название - kumiis (серебро). Этот термин с прозрачной этимологией в то время уже имел

специальный юридический смысл, поскольку потерял исходное узкое значение и не был прямо связан с обозначением подносимого металла. Такая его отвлечённость явно демонстрируется случаем с копёвскими приношениями: даже вошедшее в податъ золото названо там kumiis .

По моему мнению, к надписям такого рода и принадлежит второе граффити туяхтинского сосуда. Независимо от понимания предпоследнего рунического знака надписи (вероятно, указывающего, что глагол употреблен здесь в повелительном наклонении, т.е. адресован сосуду или прочим предметам дани), нет сомнения в том, что речь в надписи прямо идёт о выплате, поскольку там применён глагол специфического содержания. Отсюда следует, что обычай приношения дани драгоценными кубками имел распространение и на Алтае. Краткая надпись на туяхтинском сосуде становится первым письменным свидетельством существования института дани в местном средневековом обществе".

Размещение второй надписи впритык к предыдущей при свободном пространстве остального поля донца > называет на стремление писавшего составить единую строку с прежней надписью. Получаемый таким образом общий текст вполне понятен - он указывает как на факт, так и на ценность дани: Teriliri ktimtiS ayir "(Подати.) будьте выплаченными: (вот -) драгоценное серебро".

Согласно надписям, очевидно, что сосудик по крайней мере дважды становился предметом подношений. При этом дарение предшествовало выплате дани. Исходя из этой последовательности, следует попытаться понять взаимоотношение надписей и тамговых знаков. В отношении наиболее ранней первой тамги (рис. 1. 3) можно представить три ситуации. Её мог нанести: первый хозяин сосуда, ставший затем дарителем (взаимоотношение тамги и надписи будет тогда следующим: тамга I > надпись 1); владелец, предшествующий дарителю (порядок создания начертания и письмен остаётся прежним); получатель дара (надпись 1 > тамга I). Вторая тамга, созданная позднее первой (рис. 1, 4), или занимает место между нею и надписью 1 (и тогда принадлежит второму владельцу сосуда до его дарения), или продолжает череду переходов кубка из рук в руки, отмечая третью передачу (предшествующую выплате дани), или завершает всю эпиграфическую цепочку (... надпись 2 > тамга II), определяя сюзерена - получателя подати. Ту же последовательность сохраняет появление второй надписи и тамги, если чаша не удержалась при дворе владыки, а была им пожалована одному из его вассалов, нанёсшему свой личный знак. Следует заключить, что сосудик не менее четырёх раз менял хозяина.

То может быть отмечено и в отношении других пиршественных сосудов, найденных на Саяно-Алтае. Двумя разными инструментами выполнены тамга и надпись на донце катандинской кружки. Не менее трёх последовательно вырезанных рунических надписей имеет упоминавшийся кубок из Эрмитажа. Шесть разнообразных личных тамговых знаков оказалось нанесено на донце сосуда, найденного в кургане 17 могильника Сапогово в Кузнецкой котловине 42 . Оставляя до другого раза необходимый подробный анализ облика этих тамг, отмечу, что четыре из них свидетельствуют о передаче сосудика внутри двух разных семейств, по-видимому, от дяди к племяннику (рис. 3, 2-3, 4-5).

Высокое общественное положение старого воина, погребённого в кургане 3 из Туяхты, ясно вытекающее из содержания надписей и наличия на сосуде тамг, полностью соответствует определениям археологов, сделанным на основании особенностей погребального обряда и инвентаря этого древнего памятника: остатков двух сопроводительных лошадей, разнообразных серебряных

частей снаряжения и шёлкового многослойного костюма, пояса с золотыми бляхами, железного котла 43 . По остающимся в силе словам С.В.Киселёва, сказанным вскоре после находки, курган демонстрирует нам "аристократический "служилый" слой Алтая" 44 .

Остаётся рассмотреть вопрос о датировке надписей. Сразу после раскопок находки из туяхтинского кургана были по западным, европейским аналогиям отнесены к периоду VII - IX вв. 45 В дальнейшем хронологические рамки были уточнены до VII - V I II вв. 46 Этой даты, сузив её до конца VII - VIII вв. или второй половины VII - середины VIII вв., придерживаются археологи-сибиреведы и ныне 47 . Как видим, временные определения, получаемые по материальной культуре противоречат тем, которые складываются при палеографическом разборе надписей и рассмотрении облика соседствующих тамговых знаков. При этом археологическая дата оказывается древнее, а эпиграфическая моложе.

Осмывая эту ситуацию, вспомним о том, как независимые искусствоведческие наблюдения привели к омоложению традиционной археологической датировки знаменитого кургана 2 Копёнского чаатаса от общих пределов V I - VI I I вв. до IX в. 48 Детальное рассмотрение материалов привело к выделению в культуре чаатае (Хакасия), обычно датируемой VI - VIII вв., особого копёнского этапа VIII - первой половины IX вв. 49 Именно среди характеризующих его (форм предметов, как и среди одновременных находок уйгурского периода из Тувы, мы теперь и находим подобия изделиям из туяхтинского кургана 50 . Некоторые из присущих им облику черты сохраняются и позднее - в IX - X вв. 51 Уместно заметить, что из-за недостаточной разработанности типологии южносибирские древности VIII в. ныне нелегко отличимы как от изделий конца VII , так и первой половины IX в. Это положение отражается и в конкретных особенностях датирования предметов из туяхтинского кургана 3: одни и те же исследователи порой помещают их то в период конца VII - VIII в., то второй половины VIII - первой половины IX в. 5:

Сказанное позволяет вполне доверять приведённым эпиграфическим наблюдениям и датировать как весь туяхтинский курган, так и нанесённые на донце обнаруженного там серебряного сосуда тамги и надписи второй половиной IX в. Следует надеяться, что дальнейшее археологическое изучение южносибирского средневековья позволит точнее определить время создания интересующих нас письменных памятников.

Особого внимания заслуживает факт нанесения обеих надписей на сосуд местными грамотеями раннесредневекового Алтая. Этот вывод надёжно обоснован палеографическими и орфографическими особенностями кратких текстов туяхтинского кубка. Возможно, что и вырезанные на его донце тамги принадлежали к тогдашней горноалтайской знати. Эпиграфическое заключение согласуется с погребальным обрядом захоронения, содержавшего серебряный сосуд. Рядом с телом человека в кургане 3 некогда были положены два снаряжённых верховых коня - археологи считают, что такой обычай был присущ именно алтайским тюркам.

Надписи на скалах Бичикту-Бом

Раннесредневековые рунические надписи были нанесены на невысокие скальные выходы горы Бичикту-Бом (алт. Бичикту-Боом "писаная скала; скала с письменами, рисунками"). Здесь большое скопление более древних и одновременных надписям наскальных рисунков, выполненных в разной технике. Совершенно очевидно, что гора искони почиталась местными жителями 53 . Появление на камнях рунических текстов - результат такого вековечного преклонения.

Бичикту-Бом - восточная оконечность горы, ближайšie к верхнему концу одноименной деревни Онгудайского района скальные выходы, находящиеся на широком пойменном левом берегу р. Кара-Кол (правого притока р. Урсул, слева падающей в Катунь в её среднем течении). Дома расположены не далее 150 м от скалы, вдоль её подножия проходит дорога в вышележащие посёлки Боочи и Кулада. Древние и средневековые изображения были нанесены на ближайшей к деревне север-северо-восточной гряде, ниже всех спускавшейся в долину. Основное скопление рисунков и надписи находились на самых нижних выходах, наиболее пострадавших при недавних строительных работах: края двух ближайших к посёлку гряд практически полностью выломаны 54 .

Сведения о надписях на скале Бичикту-Бом появились в литературе в 1951 г., благодаря кинооператору А.И.Минорскому. проводившему съёмки на Горном Алтае и издавшему образцы изображений трёх писаниц, включая знаменитую ныне наскальную галерею на левом берегу р.Кара-Кол. Автор лишь в двух местах своей за- метки упомянул надписи, воздержавшись от их описания: "Почти на всех плитах имеются рисунки; на некоторых видны надписи". "Неподалеку от них [двух антропоморфных изображений - И.К.] расположена надпись из вер-тикально стоящих друг за другом знаков" 55 . В последних словах содержится некоторая характеристика письмен-ного памятника, которая позволяет специалисту заподозрить, что речь идёт, не о строке, начертанной связным, скажем, старомонгольским письмом, а о манере вертикального расположения обособленно выписанных букв, обычной для енисейских рунических текстов.

К такому заключению пришла Л.А.Евтюхова, хорошо знакомая с наскальными руническими надписями Ха- касии. Тувы и Монголии, помещая рядом с публикацией А.И.Минорского своё заключение об обнаруженных им памятниках. "К сожалению, - писала исследовательница, - А.И.Минорский не сделал эстампажей с надписей, встреченных им при обследовании скал с рисунками. Однако, судя по его описанию, эти надписи сделаны знака-ми орхон-енисейского алфавита." В подтверждение сказанного Д.А.Евтюхова указала на подобное соседство рунических надписей и средневековых рисунков на Сулекской писанице в Хакасии 5 * 1 .

Публикация 1951 г. обратила на себя внимание исследователей и впоследствии надписи изучались на месте Б.Х.Кадиковым (1959 г.) 57 , А.П.Окладниковым (1962 г.), Е.М.Тошачковой (1962 г.) 58 . В 1964 г. памятник исследо-вал тюрколог К.Сейдакматов, опубликовавший фотографию общего вида скалы, прорисовки трёх её надписей, их транслитерацию и перевод 59 . Двумя годами позднее, пользуясь этим изданием, Э.Р.Тенишев обнародовал свои варианты их прочтения 60 . В 1966 г. подлинник наиболее длинного текста (Бичикту-Бом III) был исследован Е.И.Убрятовой. опубликовавшей в 1974 г. новое его понимание и тонированную фотографию 61 . В 1969 г. надписи были включены в перечень источников "Древнетюркского словаря" и получили обозначение А 8, а, б, в . В нача-ле 70-х гг., при разрушении части скалы строителями, камень с тремя строками (так называемая "Вторая над- пись") был доставлен в краеведческий музей Горно-Алтайска, остальные две надписи остались на месте. В 1976 г. надписи вошли в сводный список памятников древнетюркской письменности, их порядковые номера изменены на 11-13, за ними закреплены названия Бичикту-Бом I , II и III 63 . В 1980 г. оригиналы надписей II и III изучались Д.Д.Васильевым (текст I не был обнаружен). Данные всех трёх памятников им учтены в обобщающей палеогра- фической работе, вышедшей в 1983 г. Тогда же были обнаружены и упомянуты две новые надписи, обозначенные как Бичикту-Бом IV и V , до сих пор остающиеся неизданными 64 . При новом палеографическом изучении руниче- ских надписей Алтая в 1991 г. памятники I - III были использованы по опубликованным данным 65 . В 1992 г. В.Д.Кубаревым и Е.П.Маточкиным была издана прорисовка ещё одной неизвестной надписи со скалы Бичикту- Бом. происходящая из архивных материалов А.П.Окладникова 1962 г. 66 Поскольку находки 1980 г. остаются не-обнародованными 67 , учитывая порядок введения материалов в науку, именно за этим памятником письменности следует закрепить обозначение Бичикту-Бом IV . В 1993 г. А.С.Суразаков в научно-популярной брошюре издал хорошую фотографию двухстрочной надписи Бичикту-Бом II /1 68 . Третьего августа 1994 г. была обнаружена новая надпись Бичикту-Бом V , первый наскальный текст Алтая, выведенный знаками орхонского алфавита . По-видимому, в этих местах могут быть найдены и другие, до сих пор не известные науке рунические надписи

Надписи Бичикту-Бом II/1-2

(рис. 4, 5, 6, 7)

Памятник Бичикту-Бом II , хранящийся в Республиканском краеведческом музее в Горно-Алтайске (инв. © 10354/1.2), представляет собою не один трёхстрочный текст, как полагали предшественники, а две самостоятель- ных надписи (обозначим их как Бичикту-Бом II /1 и Бичикту-Бом II /2). Они подчинены неодинаковым орфографи- ческим нормам и нанесены различньши инструментами, т.е. оставлены разными людьми. Некогда въфезанные близ друг друга, эти краткие тексты теперь, после разрушения скалы, оказались на двух отслоившихся, но легко составляемых плитах серого сланца. На большей из них осталась нанесённая белой краской цифра 46, обведённая кругом. Так кем-то из

исследователей были помечены подряд рисунки и надписи на самой скале (в этом удалось убедиться, изучая оставшуюся на месте строку Бичикту-Бом III, имеющую подобный © 4). Судя по горизонтально размещённым на плите Бичикту-Бом II поздним надписям, сделанным по-русски, она первоначально или была частью вертикальной плоскости, или располагалась наклонно. Возможно, она давно отслоилась от породы и лежала косо, съехав одной стороной с невысокого скального выхода. Общий размер плиты ныне 86.5x45x8 см. Величина торцевой поверхности, содержащей надписи 34-48 x 32 см (рис.4).

Надпись Бичикту-Бом 11/1

(рис. 4, 5)

Хорошо сохранившийся, ясный текст состоит из двух кратких строк, вырезанных вертикально. Длина первой строки 7.4 см (в ней 6 букв), второй - 6 см (5 знаков). Буквы довольно крупных размеров 2,1-2.6 см (однажды 1.9 см), выведены довольно глубокими и широкими бороздами, имеющими округлые завершения. Рука писавшего была недостаточно уверенной - при написании 1-3 знаков в стк. I и буквы 4 в стк. II некоторые их линии были повторены. Первая строка размещена правее второй, направление письма у каждой - справа налево и снизу вверх.

Исследователи читали этот текст следующим образом: К.Сейдакматов - I . n 2 r 2 gu ? a (строка осталась непонятой); II et : d : mp . t.e. etd (i) m p... " я сделал "; Э . Р . Тенишев - I. n(e) (e)r(i)g oga; И . (e)b (e)td(i)m i(a?) " I . какого мужчину хвалят, II . я устроил дом" 70 . Предлагаю новое понимание надписи.

Траскрипция : I. en erig or II. bitidim

Перевод:

- |Мой бог.| предстань перед грешным мужем!
- |Это| я написал. Разбор

I . 1. Начальный гласный в прилагательном en ~ in "низкий, низменный" 71 не может быть установлен. В значении грешный, греховный" слово встречается в наскальных надписях Енисея, покаянного содержания (Хая-Бажи. Е 24/11) . Здесь оно служит определением к последующему существительному.

I . 2-3. Слово eg. обозначающее взрослого полноправного мужчину 73 , оформлено показателем винительного падежа = ig .

I . 4-5. Глагольная основа бг= "подниматься, появляться" 74 , выражающая в надписи повелительное наклонение, принадлежит к непереходным глаголам. Здесь она сочетается с существительным в форме винительного падежа. Вероятно, этот случай следует уподобить отмеченным в памятниках древнетюркской письменности употреблением непереходных глаголов движения и местонахождения с так называемым винительным падежом пространственным. С его помощью выражается объект, обозначающий место выполнения действия (являющийся в предложении не прямым дополнением, а обстоятельством места) 75 : в нашей надписи - это человек, молящий о появлении божества. Подобное понимание грамматической формы краткого наскального текста позволяет перевести его и по-другому: "О. появись в грешном муже", т.е. "войди в душу", "облагородь помыслы и суть человеческую" Енисейская молитвенная надпись сходного содержания известна на скале Крес хая в Хакасии (Е 137): O M > A ^ M d b (a) r (i ') ni (i) c ur (u) r | "Вложите совершенную душу (букв, нутро)" 76 .

I . 6 Строка завершается буквой для гласного а(а). Особенностью алтайских рунических надписей, в том числе и наскальных, является подобное систематическое использование этого знака в качестве отметки конца фразы или текста (ср. стк. II , 5, также Туяхта 2). Весьма часто и его применение для разделения группы связанных слов внутри предложения или для разграничения отдельных слов. В рассматриваемой ситуации последнее обстоятельство, казалось бы, лишает возможности придавать букве звуковое значение. Однако в кратком тексте молитвенного содержания, каковым является

разбираемые строки, вероятно, не следует до конца отвергать и запись реально произносимой постпозитивной усилительно-восклицательной частицы 77 . Тогда и перевод должен быть соответственно изменён на "О. [Мой бог]..." и "О, [это] я написал".

П. 1-4 Перед нами широко употребимый глагол bit =, стоящий в прошедшем времени (= di =), в 1 лице единственного числа (=т). Слово не распознано предшественниками из-за облика первого знака, при размашистом написании которого начальные части образующих его дуг вышли за верхние контуры буквы П . 5. Вновь завершающий знак а(а), которому так же как и в стк. 1. 6 (правда, с меньшей уверенностью) можно придавать и звуковое значение.

Орфография

Надпись подчинена нормам классического рунического правописания - все гласные закрытых слогов, кроме пбного б (стк. I , 5), на письме опущены. Не противоречит этому и отсутствие словоразделительных отметок в стк. I . Единственная орфографическая особенность, последовательно выдержанная в обеих строках текста, заключается в обозначении конца строк специальным знаком - а (а). Эта черта служит ярким отличием надписей, созданных алтайским вариантом енисейского письма, и как было показано выше при разборе надписи Туяхта 2. многократно наблюдается не только в наскальных текстах, но и в надписях на предметах. Этих орфографических наблюдений достаточно для того, чтобы заключить, что изучаемая наскальная надпись нанесена местным алтайским грамотеем.

Палеография

Формально текст может быть расценен как надпись орхонского письма. В нём не только нет противоречащих такому заключению знаков, но и прямо присутствуют руны, характерные для орхонского алфавита: Хb " (стк. II , I) и *\$ in с дуговидной передней чертой (стк. II , 4). Однако эти два рунических знака долго сохраняют в горноалтайских надписях орхонский облик даже тогда, когда в них уже сильно проявляется воздействие енисейской письменности 78 . Именно влияние древнекассской манеры вертикального расположения строк при письме снизу вверх отражают, как мы видим, и обе строки разбираемой надписи. Последнее обстоятельство препятствует отождествлению нашего текста с орхонским, для которого такое направление письма неизвестно . Видимо, воздействие енисейского алфавита не нашло в изучаемом случае прямого отражения из-за отсутствия в использованных словах тех звуков, передача которых на письме отличала два родственных азиатских рунических алфавита (прежде всего A s : и Sty).

Наряду с применением енисейского канона размещения текста, исследуемая надпись хорошо подтверждает факт употребления населением Горного Алтая орхонского рунического алфавита перед распространением здесь енисейского письма 81 . Следовательно, помимо приведённых орфографических, имеются и палеографические основания для вывода о том, что эти строки нанесены на скалу местным писцом.

Возможности для датировки надписи палеографическими средствами невелики. По наблюдениям И.В.Кормушина примыкание отводков не к вершине, а к средней части вертикали у знаков Мои (менее показательно) Лл~. как это наблюдается в бичиктубомской надписи (стк. I , 1, 4), отличает тексты позднее середины VIII в. 81 Учитывая не только облик знаков, но и направление строк, полагаю, что изучаемую надпись следует отнести ко второй половине VIII - началу IX в. Необходимо, однако, оговориться, что нам не известно сколь долго местное население употребляло вне официальной сферы прежнюю орхонскую письменность или сохраняло облик присущих ей отдельных букв при письме по-енисейски. Судя по сохранению знака >\$ m характерного вида, пережиточные графические черты могли сохраняться не только на протяжении всего IX в.. но и в X и даже в XI вв.

Историко-культурные выводы

Двухстрочная надпись Бичикту-Бом II /1 представляет собою краткую молитвенную запись, обращенную к божеству. Как мы видели, точный смысл текста определить нелегко. Содержание первой фразы (стк. I) можно понимать двояко. Она может свидетельствовать, что писавший уповал на явление

ему божества. И хотя слово для обозначения бога в тексте отсутствует, истолкование подкрепляется существованием аналогичных надписей на скалах Енисея и его притоков:

Возможность не столь прямого понимания нашей надписи заложена в применённых в ней грамматических формах: речь могла идти о пришествии бога в душу верующего. Как было показано, и такое стремление к духовной истине вновь находит подтверждение в енисейских наскальных надписях Хакасии (Крес хая. Е 137).

По всей видимости, возможность личной встречи верующего с божеством - черта древнего языческого мировоззрения тюркоязычных народов. Современный южносибирский фольклор предоставляет множество примеров убеждённости в том, что человеку доступна встреча с самыми различными божествами. Прежде всего таковы горные и лесные духи (мужского или женского естества), от которых прямо зависит не только успех конкретного дела, но и сама судьба. Обычно эти духи имеют человеческий облик и отличаются только безбровым лицом. Практически ту же ситуацию неоднократно описывают разрозненные сюжеты манихейской "Гадательной книги" (irq bilig), написанной орхонским руническим письмом в марте 930 г 83 : ala : (a) tly : jol : t (a) n , ri : m (e) n : j (a) r (i ') n : kica : (e) siir : ni (e) n : utru : (e) ki : (a) jl (i) Y : kisi : oylin : sokusmis : ki § i : qorqmis : qorqma : tim (i) s : qut : birg (a) j : men :

timis ... "Я - бог (жизненного) пути, ездящий на пегом коне 8 . С утра до вечера я езжу". Навстречу ему попался двухмесячный сын человеческий. Человек испугался. "Не бойся. - он сказал, - я дам (тебе) счастье"..." (стк . 2-3); (e)r: bmal(a)jii : b(a)rmsu : t(a)r|rika : soogusmi'S : qut: qolmi'S : qut: birmiS... "Муж начал ползти, встретил божество и молил о счастье. (И) оно даровало счастье" (стк. 71). Из этих строк следует, что идея встречи с богом была присуща не только языческим, но и манихейским представлениям.

Несмотря на явно личный характер мольбы, в бичиктубомских строках не указано имя просителя. Оно скрыто за словосочетанием, представляющим писавшего лишь как одного из представителей грешного человечества (сп ег). Следовательно, автором надписи предполагалось, что божество знает того, кто к нему обращается. Эта особенность, равно как и характерное самоуничтожение молящегося, есть черты отличающие не язычество, а мировую религию. Учитывал применение рунического письма носителями манихейства, официальное утверждение этой веры в Уйгурском каганате и в Древнехакасском государстве, а также прослеженные черты влияния манихейского правописания на орфографию памятников енисейского письма 85 , следует полагать, что создатель изучаемой наскальной надписи был манихеем.

Понять назначение второй строки текста, вероятно, можно лишь при учёте сказанного. Во-первых, при отсутствии в надписи имени создателя смысл её не мог заключаться в указании на конкретного писавшего ("это именно я написал"). Во-вторых, такое завершение наскальных рунических надписей встречено многократно* Часто подобные строки ничего иного не содержат, кроме обозначения имени их создателя и слова "написал". На скале Ялбак-Таш в одном случае (III плоскость, строка 28) вообще начертано только $1 > ^ X И 8 b (i) t (i) d (i) m$ "я написал" Из всех этих данных необходимо заключить, что сам факт создания надписи на скале имел для ранне-средневековых носителей енисейского письма 87 особый религиозный смысл. Совершение такого обрядового действия и отмечали вырезанные на утёсах строки, аналогичные изучаемой. Некоторые более пространственные каменные тексты прямо свидетельствуют в пользу сказанного: * Tl A l 4 > ^ hl 4 '4 > rllr l MI * isiz qui bitmis (e) s (a) n "поскольку недостойный раб (божий) написал (здесь) - (он стал) здоров" (Хая-Бажи X . Е 24/ 10) . I ^ OIBM ^ h ^ tAlri q (o) p coq b (i) t (i) m (i) § : s 6 k (u) s (u) r | (a) r (i) m (i ') s "презреннейший (букв, совсем презренный) (раб божий?) написал (это) (и) твоя хула (букв, брань) очистилась" (Лисичья II) 89 .

Размеры плоскости и предполагаемое расположение камня на склоне горы Бичикту-Бом позволяют заключить, что вырезавший буквы человек стоял на коленях.

(рис. 4. 6-7)

Этот хорошо сохранившийся и ясно различимый текст состоит из одной короткой вертикально размещённой строки, длиной 9 см. Составляющие её 9 рунических знаков имеют высоту 2-2.5 см (в двух случаях 1.6 и 1.8 см). Основание первой буквы повреждено сколом поверхности. Борозды прорезаны более тонким инструментом, чем знаки Бичикту-Бом 11/1 (вполне вероятно, что им был нож. т.к. начало линий имеет заострённую форму). Эти особенности отличают надпись от двух других строк, размещённых правее, в её самостоятельном назначении убеждает и значительный просвет между ними: 5 см против 1 см меж стк. I и II в Бичикту-Бом II/1 (рис.4). Кроме того, описываемая строка отразила совершенно иные нормы правописания. Таким образом, вполне очевидно, что она не только нанесена иным инструментом, но и другим человеком. Внешнее сходство обеих надписей заключается в частом повторном проведении писавшим одних и тех же линий и облике знака "g".

Тюркологи воспринимали данную строку прямым продолжением двух соседних и читали её по-разному: К.Сейдахматов - $kisi' uyl' Vfg$, т.е. $kisi' u(y)l(i)r(i)g$ "твой народ, племя, людей..."; Э.Р.Тенишев - $kisi' ou(u)l(a)r(e)g$ "жену, детей, охоту, одежду" 9". Судя по содержанию, она, действительно, связана с выше описанными строками, но является несколько более поздней припиской. Этот самостоятельный письменный памятник читается мною по-новому.

Текст: твоему сыну человеческому (явись)!

Разбор

1-4. Слово $kisi$ означает и "человек", и "жена, супруга" 91. До сих пор, насколько известно, оно встречалось в орхонских и енисейских эпитафийных текстах, а также в "Гадательной книжке" (IV). Всюду слово пишется с обо-значением обоих гласных: КТм, 6, 7 (трижды). КТб. 1 (дважды); Тон, 4, 10, 33. 60; БК. 28; КЧ, 5. 8. 22: 1В. 2 (дважды). 21. 43. 44. 82. 83, 93; Е 6, 2; Е 11. 9; Е 27. 4 92. Единственный раз (Е 18. 3) пропущен знак для второго гласного, что обусловлено наличием аффикса принадлежности 1 лица единственного числа =ш. В орхонских текстах, включая IV. обычно написание $Г II 4 9$, что, возможно, связано с иным произношением ($kisi$). Однако в памятнике КТм. 7 вместе с этим отмечается и другая форма записи, через орхонский знак $Ys : Г f Г$ 9 $kisi$. Во всех енисейских эпитафиях слово записано, как в нашем случае: с характерной енисейской руной для $s - Г A C$ *?. Так же оно выведено и в посмертной памятной горноалтайской надписи на стеле Бар-Бургазы I (опущен лишь - из-за последующего аффикса - знак для второго гласного). Но если там оно означает супруга" 9", то в изучаемом тексте его смысл, несомненно, - "человек". Слово служит определением к последующему существительному и должно переводиться как "человеческий".

5-9. Слово $ouyl$. употреблённое в надписи в значении "сын. дитя", приобретая аффикс принадлежности (здесь =!т|=, 2 лица единственного числа), часто теряет в древнетюркских текстах вторую губную гласную 94. То же следует полагать и в нашем случае. Слово оформлено здесь винительным пространственным падежом в полном соответствии с построением первой фразы соседнего текста Бичикту-Бом 1/1 (см. выше разбор стк. I. 2-5). Именно эта особенность надписи даёт возможность восстановить подразумеваемый здесь глагол и понять содержание написанного. Его, учитывая сказанное в отношении предыдущей наскальной надписи, можно передать и словами Войди в душу и к твоему сыну человеческому".

Орфография

К изложенным различиям между Бичикту-Бом II/1 и Бичикту-Бом II/2. указывающим на то, что они нанесены разными людьми, следует добавить и несходство в правописании. Так, в рассматриваемой надписи не применяется концевая отметка в виде знака ' Va / a .

Надпись своеобразна в употреблении знаков для согласных в слове $ouГгпУу$. Нормы построения азиатских рунических алфавитов, различающие знаки для согласных звуков мягких и твёрдых слогов,

как и для твёрдых и мягких губных гласных, выдержаны здесь лишь в отношении первых двух букв > о и 5 i с у Все прочие применённые руны предназначены для записи мягких звуков, хотя фонетический облик слова требует знаков для твёрдых. Мы уже встречались с подобным своеобразным правописанием при изучении надписи Туяхта 1. при её анализе приведены и иные примеры использования такой псевдорунической орфографии.

Палеография

Надпись принадлежит к памятникам собственно енисейского письма. В этом убеждает применение характерной буквы Л : (знак 3) и отсутствие каких-либо признаков алтайской разновидности этой письменности. Ни-каких датирующих примет текст не содержит.

Возможно проследить порядок и направление нанесения борозд, образующих некоторые знаки: J k \ обоих (рис.7). У каждой из этих рун первым вырезался вертикальный ствол или основная дуга, в последующем - отводки (независимо от того, в какую сторону они были направлены). Вес черты наносился сверху вниз и там, где это можно видеть, верхний штрих выводился раньше нижнего.

Историко-культурные выводы

Вновь прежде всего подчеркну, что рассматриваемая надпись нанесена другим человеком и позднее, чем ряд размещённых на камне строки текста Бичикту-Бом П/1. Вместе с тем нет сомнения, что само появление новой строчки было вызвано и фактом существования на камне ранее вырезанного текста, и его содержанием Человек, дополнивший письменный памятник, не только понимал, но и разделял устремления предшественника. Он сумел на обширном горном склоне разглядеть небольшую надпись, тонко прочерченную на довольно мелком скальном выходе, и присоединил к ней свои слова для чего, несомненно, опустился на колени. Очевидно, место поклонения было ему известно.

Содержание надписи подтверждает вытекающее из предыдущего текста предположение, что писавшие исповедовали религию, допускавшую явления божества верующим. Об этом же свидетельствуют и две приведённых выше надписи, вырезанные на скалах в долине Среднего Енисея (Е 36/2 и Е 116). По-видимому, речь может идти о двух видах воззрений, избрать одно из которых сегодня нельзя из-за недостатка сведений: о вере в пришествие спасителя для установления на земле светлого царства божия или о способности бога являться на горячий

зов для помощи отчаявшемуся. Очевидно лишь (и из алтайских, и из хакасских примеров), что местом для обращения к силам небесным было подножие той или иной почитаемой скалистой горы. Эта культовая черта, насколько известно из этнографических южносибирских материалов, заметно отличает выявляемые по надписям раннесредневековые молитвенные обряды от традиционных для современных саяно-алтайских народов молений небу на горных вершинах 95 .

Об идеологическом разрыве с сибирским язычеством свидетельствует и другая, уже знакомая нам по предыдущей надписи особенность этого наскального текста. В нём вновь не указано имя молившегося, что, несомненно, выявляет доктрину личной связи верующего с божеством. Вместе с этим автор надписи выступает в ней лишь как один из представителей человечества (kisi oyli "дитя человеческое, сын человеческий"), а если точно идти за особенностями древнетюркской лексики, то и как представитель населённого мира.

Суть здесь в том, что словом oyul в ранних тюркоязычных памятниках (независимо от вида письма) обозначался любой детёныш: kejik oyli "олёнок", boru oyli "волчонок", arslan oyli "львёнок", mus oyli "котёнок", qus oyli "птенец" 9 . Такое терминологическое единство указывает, что и сам человек мыслился средневековыми людьми, говорящими по-тюркски, лишь как одна из разновидностей всех живых существ. Подобный взгляд отмечен и для манихейской религии, подразделяющей живой мир на существа пяти разновидностей (bis tiirliig tinliu): двуногих людей, четвероногих, летающих, плавающих и ползающих животных 9 . Но истоки воззрений лежат в гораздо более глубокой истории тюркоязычных народов.

Понятие "сыны человеческие" дважды встречено в одной из самых ранних орхонских эпитафии - памятники-ке КТ. созданном в 732 г.. - при описании мифологических сюжетов, прямо связанных с Небом или иным бо- жеством. Это знаменитые строки, повествующие о начале и устройстве мира (б. 1). о бренности жизни и предна- чертанноеТ судьбы (б. 50):

Время устанавливает Небо: сыны человеческие все рождены с тем. чтобы умереть" (б. 50).

В весьма сходной ситуации встречаем словосочетание *kisi oyli* и в рукописной книжке *irq bitig* . написанной через два столетия после эпитафии КТ в одной из манихейских общин Восточного Туркестана. В первом сюжете речь идёт о встречи "сына человеческого" с богом судьбы (стк. 2-3; случай приведён выше при историко-культурном анализе надписи Бичикту-Бом 1/1). во втором - о вселенском несчастье: *uza : tum (a) n : turd ' i : (a) sra ю/. : lurdi : qus : oy (l) ' i : uca : azti : kijik : oyli : jugurii : azli : kisi : oyli : joriju : azti* "Наверху стояла мгла внизу стоя- ла пыль. Птичьи порождения, летая, блуждали, звериные отродья, бегая, блуждали, человецье потомство ходило- блуждало" (стк. 20-21).

По-видимому, древние общетюркские представления о мироздании в целом и месте в нём "сынов челове-ских" оказались в большой мере включёнными в идеологию тюркок-манихеев и отразили в созданных на родном языке манихейских письменных памятниках характерные для прежнего мировоззрения термины. В отношении *irq bitig* это широкое сочетание древнего и нового давно уже показано тюркологами 98 . Теперь это следует отметить и для наскальных надписей, сделанных енисейским письмом.

Приведённые примеры позволяют почувствовать, что. называя себя "сыном человеческим", оставивший надпись молящийся по сути подчёркивал своё земное естество, принадлежность к бренному миру.

В связи с этим остаётся оговорить ещё одно обстоятельство. В наскальной надписи речь идёт не просто о сыне человеческом, там вырезано *kisi oy*Гп "твой сын человеческий". Показатель принадлежности, можно думать, проявляет здесь существенную религиозную особенность, присущую монотеизму, - представление о владычест- ве бога над людьми. В этом смысле он равнозначен прямым высказываниям иных рунических наскальных надпи- сей: *t (; i) M gi qui !* "раб божий". Быть может, допустимо здесь усмотреть и намёк на веру в акт божественного творе- ния мира и всех его обитателей. Вероятно, необходимо сказать, что только в русском переводе разбираемого сло-восочетания возникает внешняя вероятность его трактовки как "сына божьего в облике человеческом". Это поня тие по-тюркски выражается иначе (*tar \ h oyli* "сын божий") и, насколько известно, знакомо лишь текстам христианского содержания, писанным уйгурским шрифтом".

Надпись на предмете из окрестностей д.Купчегень

(рис. 8-9)

Интересующее нас роговое изделие с вырезанной на нем надписью было опубликовано в 1992 и 1993 гг. в виде рисунка"" и фотографии 101 . Лишь в первом случае содержится упоминание о том. что находка хранилась в школьном музее д.Купчегень 102 и обнаружена учителем В.М.Моносовым. Ни времени и условий обнаружения, ни описания предмета и надписи эти публикации, к сожалению, не содержат. В 1995 г. были изданы рисунок и фото- графия изделия, его описание, палеографический анализ (позволивший определить время создания надписи) и первый опыт её прочтения 103 . В 1996 г. прорисовка и палеографическая характеристика надписи были включены в первую сводку орхонских надписей Южной Сибири 104 .

По сведениям, собранным В.А.Кочеевым, роговая пластина с надписью была найдена в сентябре 1987 г. Эр-кетеном Бултушевым, тогда учеником 9 класса Купчегеньской средней школы, в каменистой россыпи в местно-сти Кёр-Кечу близ устья р.Большой Илымень. Тогда же предмет был отдан учителю истории В.М.Моносову для местного школьного музея. Преподаватель 1 октября 1991 г. передал находку в Республиканский музей, в фондах которого изделие хранится ныне (инв. © 9469)' .

Это крупная роговая пластина, слегка выгнутая в одну сторону соответственно природной форме ствола ро-га. Она имеет длину 25,5 см и ширину от 4 до 3 см (один конец обрезан почти прямо, другому, сужающемуся, придана полукруглая форма). Внутренняя сторона сохраняет естественное пористое строение и вогнута. Поэтому толщина предмета у краёв составляет 5, а в середине 1,5 мм. На внешней поверхности, середина которой уплощена по всей длине, прорезаны два сквозных отверстия: круглое (диаметром 1,7 см, - в 9,7 см от суженного конца) и арочное (1,7 x 0,9 см), с двумя обращенными от основания внутрь зубцами (длиною по 4 мм: в 5,3 см от предыдущего и в 6,2 см от прямо срезанного конца пластины). Между этими отверстиями на краю изделия сделан ещё один прямоугольный вырез с двумя зубцами. Его длина 1,4 и глубина 0,55 см (высота зубцов, концы которых не остры. 3 мм). Судя по форме, этот предмет является приспособлением для вития из кожаных полос округлых в сечении ремней.

Надпись на изделии вторична. Её знаки вырезаны уже на готовой и, вероятно, бывшей в употреблении вещи. Они наносились справа налево, встретили на пути арочное отверстие и, сломив строку, прошли ниже его (борозды букв здесь начинаются от самого края отверстия). Текст состоит из 15 рунических знаков и лишен словоразделительных отметок. Буквы вышолнены уверенной глубокой резьбой. У борозд треугольное поперечное сечение, нижний угол которого превышает по величине прямой. Косой штришок, имеющийся левее последнего знака, нанесен другим инструментом и не относится к тексту. Всюду, где удастся проследить, линии знаков вырезались сверху вниз и слева направо (буквы 3, 5, 14 - рис.9). Особенность в размещении букв - обратный обычному поворот, допущенный в отношении по крайней мере четырех знаков (руны 1, 3, 5, 15, возможно так-же, и 14). Только учет этого обстоятельства позволяет прочесть купчегеньскуто надпись. Подобное явление неоднократно отмечено в ряде рунических надписей, но до сих пор остается слабо изученным. Поверхность краёв предмета истлела, разрушение рога затронули нижние части двух первых (правых) рунических знаков. Облик второго из них не вызывает сомнения, первый же может быть понят двояко. Если учесть это обстоятельство и развернуть указанные знаки нужным образом, надпись приобретёт следующий вид.

Текст

(Это -) дар презренного человека (или: Кадама- Алдама). Всемогущий (боже), услышь (меня)!
(буквально: оборотись (ко мне), отзовись).

Разбор

1-3. Первый (> П 1 или /1 q) и третий (Фт) из этих знаков совершенно очевидно вырезаны в зеркальном повороте. В предыдущей публикации первый знак воспринимался мною как -4 I 1 и, в соответствии с нормами рунической орфографии, представлялись наиболее вероятными два варианта истолкования трёх начальных рун, отличающиеся восстанавливаемым гласным второго слога - *aldam* или *aldim* (из которых предпочтительнее первый). Следует указать другую возможность понимания первой буквы, которая представляется мне теперь более вероятной. Учёт обособленно стоящего правее руны штришка, не находившего объяснения в первой версии, позволяет видеть в ней зеркально повернутую букву *riq*, не сохранившую часть косога отводка (ср. особенности облика и подобное размещение знака 14). Это меняет прочтение знаков 1-3 на *q (a) d (a) m* или *q (a) d (i ') m*.

Как бы ни читался первый знак надписи, исходя из грамматической формы следующего слова (знаки 4-10), вероятно думать, что перед нами обозначение приносящего дар лица, т.е. запись имени собственного. Правда, аналогий любому из получаемых при прочтении имён в словарях отыскать не удастся, но само по себе это не служит серьёзным препятствием, поскольку в реальной жизни имён, естественно, было много больше того числа, что попало в письменные памятники. В имени *Aldam* можно было бы видеть существительное результата действия, образованное от основы *alda* = "обманывать, вводить в заблуждение" ШБ. и предполагать, что значимое имя новорожденного ("Обман") вызвано некими несбывшимися ожиданиями родителей. Для формы *qadaim* этимологии предложить не удастся. Попытки понимания слова не как личного имени (а, например, в качестве глагольной формы *aldim* "я взял", *qadi ' in* "я сложил вместе" или *qaddi ' m* "я стал твёрдым", "я смешал, присоединил") не кажутся подходящими к получаемому контексту и не отвечают обычному местонахождению сказуемого.

В последнее время в рунических памятниках Саяно-Алтайского нагорья довелось встретить одно неожиданное явление, которое позволяет мне рискнуть и предложить здесь прочтение не одного, а двух слов: (a) q (a) d (a) m . Возникающее при этом словосочетание aq adam taratyusi (руны 1-10) "дар презренного (достойного пренебрежения; человека" очень подходит для надписи, посвященной божеству, поскольку содержит формулу религиозного самоуничужения, отличающего все монотеистические доктрины (ср. выше сказанное при разборе начальных слов надписи Бичикту-Бом П/1). Уместно и указание брэнной человеческой природы писавшего (ситуация уже знако-мая нам по надписи Бичикту-Бом Н/2). Слово aq (знак 1) - заимствование из китайского - в значении презренный, достойный пренебрежения" известно в раннесредневековых уйгурских текстах буддийского содержания". Книжные буддийские термины уже встречались в южносибирских рунических надписях (asur "асурий. злой дух"), в том числе и в созданных на Алтае (az "желание, алчность") 109 . Вероятно связывать эту лексику с манихейством, воспринявшим, как известно, многие внешние признаки буддизма.

Другое слово - adam "человек" (знаки 2 и 3) - заимствование иного рода. Если употребление этого арабизма в караханидских книгах XI в. п " вполне понятно, то ещё недавно нельзя было и думать найти следы арабских слов в рунических сибирских текстах. Однако в енисейской эпитафии Эль-Бажи (Е 68/1), по-видимому, созданной аборигенным населением Тувинской котловины во второй половине VIII - начале IX в. (стела была вторично использована уже в конце IX в.), в относительно просторном и ясном контексте недавно обнаружено арабское заимствование amin "надёжно" (стк. 18):

4-10. При прочтении следующего слова допускаю обратный разворот буквы 5 (Mг 1). В этом убеждает не только подобная ситуация, отмеченная для рун 1 и 3. но и получаемое благодаря этому соответствие согласного твёрдого ряда четырьмя другим знакам слова (руны 4, 6-8), передающим звуки той же природы. Прочтение буквы 5 так. как она написана (в качестве мягкого губного гласного о или и), не вяжется со знаковым окружением.

Слово taratyu впервые встречено в памятнике рунического письма. Согласно имеющимся данным, в значении "дары, дань(?)" оно отмечается в "Легенде об Огуз-кагане" - памятнике XIII в., известном по списку XV в. уйгурского письма 113 . В нашей надписи слово оформлено аффиксом принадлежности 3 лица единственного числа = si , указывающим, что дары исходят от человека, названного 1-3 рунами текста (вторая форма изафета) Обращает на себя внимание неполное соответствие гласного в морфологическом показателе звуковому облику последнего слога основы (ожидалось бы = su). Такие случаи известны для слов, содержащих сочетание негубных и губных гласных (ср. anayusu и anayusi "его вид" от anayu "вид, изображение" 114). Сохранение определенной звуковой независимости аффикса в рунической надписи, возможно, отразилось и на употреблении в ней знака для s в виде I , обычно (но не всегда) передающего не s 1 , а s 2 .

11-13. Этими знаками также записано слово, до сих пор не известное рунической письменности. Оно является отглагольным существительным на =уап, образованным от глагола и= "мочь, быть в состоянии" и означает "всемогущий, бог". Наиболее ранние тексты, в которых оно было до сих пор отмечено - это караханидские сочинения последней трети XI в. 115

14-15. С истолкованием двух завершающих надпись букв возникают сложности. Если воспринимать их так. как они написаны, то перед нами руны для мягкорядных звуков t и j (последний - в повороте слева направо). По синтаксическим нормам в них следует видеть запись глагольных форм, связанных с сутью моления и имеющих вид повелительного наклонения. Возможности здесь невелики. Первая из основ - et =, в значении "совершать, создавать", а более всего "устраивать, приводить в порядок" 116 - широко представлена в рунических надписях и здесь вполне подходит по смыслу. Вторая же - ij = "следовать" 117 - возможно, встречена лишь в одной краткой енисейской надписи Уйбат V (Е 34) 118 , прочтение которой нельзя считать несомненным, и в рассматриваемом случае, полагаю, не вполне отвечает контексту.

Другой подход к прочтению этих знаков порождает манера писца переворачивать буквы слева направо (руны 1. 3. 5). проявившаяся и здесь в размещении буквы 15. При таком восприятии знак 14 приобретает значение q (ср. ситуацию со сказанным о руне 1). Но для прочтения qaj =

"поворачиваться, оборачиваться; обращать внимание; отзываться" и т.п. 119, что весьма подходит, следовало бы допустить использование здесь руны j " вме- сто j 1. Подобные случаи подмены знаков мы уже неоднократно видели в рунических надписях Горного Алтая: и эпитафийных (Бар-Бургазы I и II), и наскальных (Бичикту-Бом II /2), и нанесённых на предметы (Туяхта 1). Быть может, с этим явлением следует связывать и оговоренное выше применение знака I s 2 (руна 9) там, где ожидался бы знак для s.

Сказанное позволяет считать наиболее приемлемым именно второй вариант восприятия обсуждаемых знаков, поскольку при нём краткий резной текст приобретает вполне связный смысл, имеющий многочисленные аналогии в обращенных к верховному божеству призывах, вырезанных руническим письмом на скалах всего Саяно-Алтайского нагорья. Подобными памятниками, как мы видели, являются обе наскальные надписи Бичикту-Бом II

Палеография

Мне уже приходилось отмечать, что подавляющее большинство известных рунических надписей Горного Алтая выполнено енисейским письмом, и только отдельные пережиточные особенности ряда строк свидетельствуют о былом знакомстве местного населения с орхонским алфавитом 120. Хорошим примером этого служат и разобранный выше текст Бичикту-Бом II /1. Ныне эти косвенные данные подтверждены прямыми материалами:резы на роговом предмете из д.Купчегень - первая собственно орхонская надпись, найденная на Алтае. Об этом говорят ее палеографические особенности.

Третья руна надписи, при письме повернутая справа налево, является разновидностью буквы >? ш с дугообразной правой частью (здесь она по форме упрощена почти до вертикальной линии - точно так с прямой линией изображена эта буква на прорисовке верхней надписи со скалы на р.Чарыше. опубликованной Г.И.Спасским в 1818 г. 121). Знаки такого облика (отмеченные и в текстах Туяхта 1 и Бичикту-Бом II /1) настолько обычны для надписей Алтая, что служат одним из главных палеографических показателей алтайского варианта енисейского письма. Но сама форма буквы восходит к орхонской азбуке, и в позднейших енисейских надписях выступает как ее пережиток". Прототипами нашего знака, несомненно, служат разновидности, зафиксированные в надписях Тоньюкука (720-е гг.) и Онгинской (730-е гг.) 123. Сформировался же он, как можно думать, под влиянием буквы ^т енисейского образца 124. Очевидно, не случайно то обстоятельство, что наиболее ранний орхонский памятник, использующий руны изучаемого типа - это стела Моюн-чура, текст которого относится к 758 г и проявляет явное знакомство с енисейским алфавитом 15.

Особого внимания заслуживают четвертая и шестая буквы купчегеньской надписи, представляющие Л t. Руны такого облика встречены впервые именно в этой надписи. Орхонская палеографическая традиция здесь очевидна: на нее указывает вертикальная черта (штамб), соединяющая верхний и нижний элементы знаков. Вероятно, следует признать данную форму t' прямолинейным графическим вариантом знака А с дугообразным нижним элементом, которая, к моменту издания первого прочтения купчегеньской надписи не была отмечена ни на одном представленном в литературе памятнике и была реконструирована, исходя из общей логики развития форм орхонской буквы t (рис. 10, 3). Хотя в палеографических исследованиях букву с такой приметой указывают среди рун стелы Тоньюкука 12', очевидно, что она возникает там случайно, лишь когда замкнутый овал нижней её части из-за неточного размещения не вписывается полностью в узкой очерченной строке 128. Следует признать, что тексту Тоньюкука присуща форма с замкнутым низом 5, что объединяет его с эпитафиями Кюльтегина и Бильте-кагана в единую палеографическую группу, представляющую особенности орхонского письма первой трети VIII в. (рис. 10, / 2).

Следующая серия знаков t 1 представлена, эпитафиями Уйгурского каганата, начиная с 60-х гг. VIII в. Она отличается отрывом верхней части знаков от их низа (рис. 10, 5): короткий штамп примыкает здесь только к основанию букв, ставшелгу уже дугообразным 129 (И.В.Кормушин напрасно указал прежний сплошной штамп для эпитафия Моюн-чура; пользуясь фотоснимками Г.И.Рамstedта, лишь в отдельных случаях внизу восточной стороны камня, вероятно, можно отметить подобный знак 130). Позднее, уже в памятниках IX и X вв., встречаются знаки, вообще не имеющие никакой связи между нижним и верхним элементами (рис. 10, 6).

Эти наблюдения позволяют предположить, что купчегеньская форма знака t 1 принадлежит к разновидностям, переходным от начертаний первой трети VIII в. к буквам последней трети VIII в. и представляет пря-молинейный вариант знака с дугообразным низом А (рис. 10, 3, 4). Ныне опубликован памятник орхонского письма из Хакасии в котором встречена именно такая разновидность буквы t'. Обе эти формы - и с изогнутым, и с угловатым основанием - могут, очевидно, служить приметой орхонских рунических текстов, созданных во второй трети VIII в.. скорее в 40-50-х гг.

Купчегеньская находка является первой, но не единственной надписью, содержащей букву t 1 такого вида. Другую удалось обнаружить уже на следующий день после изучения в Горно-Алтайске нашего рогового изделия - 3 августа 1994 г.. близ д. Бичикту-Бом на р.Кара-Коле. Новая наскальная надпись Бичикту-Бом V также принадлежит к памятникам орхонского письма на Алтае: в ней, кроме интересующей нас редкой разновидности руны t' . содержатся знаки ЯЬ 2 и >?т характерного для этого алфавита облика 132 . Из личного письма студента Монгольского госуниверситета в Улан-Баторе Ю.Болдбаатора от 15 декабря 1996 г. мне известно об обнаружении на землях Цогд-овоо сомона Южногобийского аймака другой наскальной надписи, составленной из 56 знаков. Согласно утверждению находчика, изучаемая руна употреблена там трижды.

Пытаясь определить время создания надписи по палеографическим данным, следует помнить, что наука знает сегодня слишком мало орхонских датированных надписей. Наблюдения И.В.Кормушина над изменением облика прочих рунических знаков, позволяют отметить и относительно поздний вид букв d . Г и, особенно, г. встреченных в изучаемой надписи 133 . Для последней разновидности исследователь указывает период позднее середины IX в.

Существенной палеографической особенностью надписи является систематический обратный разворот рунических знаков вокруг вертикальной оси. Так выписаны все буквы для согласных несимметричного облика (знаки 1, 3, 5, 14, 15 -/1 ,>\$,М ,/1,9). кроме двух (2, 13). Хотя отдельные знаки енисейских надписей иногда встречаются в таком развороте, частое их употребление в одном тексте представляет большую редкость . Можно, пожалуй, указать ещё только один памятник - лицевую сторону эпитафии Ир-Холь (Элегест IV . Е 70) из Тувы - в трёх строках которого знаки > o / u , ^ m , iid ' и Зп систематически изображались в зеркальном положении 13' . Следует заметить, что в целом далеко не все буквы в равной мере были подвержены такому воспроизведению. Так, руна 9 j ~ имеет повернутый направо вид 9 лишь в двух памятниках с территории Тувы (в Е 24/9 - дважды, в Е 41 - семь раз из восьми, т.е. таковы особенности личного почерка). На Алтае этот её облик был распространён несколько шире: можно указать четыре надписи (Бар-Бургазы I . Адыр-Кая I . Ялбак-Таш III и X). 'Знак ^т'. насколько известно, встречен в зеркальном положении лишь в одном месте строки 3 в тексте Е 15 из Тувы (в других случаях в этой эпитафии он стоит правильно) 136 . За исключением названной стелы Ир-Холь, руна ^1п нигде более повернутой не обнаружена. Совсем нет аналогий купчегеньской надписи в отношении разворота знака /1 q . Учитывая возможные варианты восприятия первой буквы нашей надписи можно сказать, что из обсуждаемых знаков только руна "41 1 довольно обычно писалась в другую сторону, а выходя за пределы купчегеньского набора, нельзя не упомянуть о нередком обратном развороте знака Hd " 37 . общеизвестны знаки для /.. П ". j и а. существовавшие в двух различно повернутых вариантах: 5 -\$, aP - tV , D - G , < J *- i <'.

Историко-культурные выводы

Новые данные, предоставляемые купчегеньской надписью, принадлежат не только к палеографической сфере. Для всего известного ареала степных рунических письменностей, она - первый несомненный посвященный текст божеству. Ни высказанные мною сомнения в звуковом облике имени или словесного обозначения создателя надписи (руны 1-3), ни сложности в понимании двух последних знаков (руны 14, 15) не могут поколебать восприятия слов, определяющих её назначение (руны 4-13). Впервые руническая надпись свидетельствует об обычае сопровождать моление преподнесением богу даров 138 . Почти невероятно когда-нибудь узнать, почему приношением явилось роговое орудие для разминки и скручивания ремней, но установление самого факта таких действий имеет большое историко-культурное значение, поскольку формы поведения раннесредневековых тюрков в момент обращения их к своим божествам остаются нам не известными. Возникает и закономерный вопрос: в

каких местах совершались жертвоприношения (у алтарей на особых площадках, в храмовых постройках, у почитаемых природных объектов)?

Не менее важно и то, как называет божество автор купчегеньской надписи. Всемогушим (иуап) верховного бога именуют сторонники далеко не всех религиозных доктрин. Такое определение божества не встречается в рунических надписях VIII в., в которых, как известно, нередко упоминаются Тенгри, Умай, Йср-Су и другие божественные силы, почитавшиеся тюркоязычными народами той поры. По наблюдениям Дж. Клосона, известно только несколько ранних случаев самостоятельного употребления глагола и= (в значении "быть способным"), после XI в. он редко употребляется даже во вспомогательной функции ("мочь сделать что-либо"). Поскольку прилагательное иуап образовано от глагола в основном его смысле, то можно предполагать, следовательно, и раннее появление такого эпитета божества. Теперь ясно, что этот термин вошел в религиозную речь тюркоязычных народов не позднее XI в., как считали лингвисты [139], а значительно ранее (отмечается для середины VIII в.) и, соответственно, первоначально употреблялся не по отношению к верховному божеству мусульман.

Нет сомнения, что появление слова иуап в значении "всемогущий (бог)" было вызвано привнесением в мирозрение южносибирских тюрков понятий единобожия. Скорее всего, перед нами результат влияния церковной литературы какой-либо из доисламских мировых религий (ср. появление характерного религиозного самоуничижения в ряде наскальных енисейских надписей, отмечавшееся выше при рассмотрении молитвенных текстов Бичикту-Бома). Укажу, для примера, на евлогию - одну из характерных формул прославления бога христианами-несторианцами, распространившимися в домонгольскую эпоху на Восток вплоть до Китая: "Слава твоя, Бог Всемогущий, наполняет небо и землю" [13]. Совершенно очевидно, что попытка осмысления слова иуап купчегеньской надписи поднимает большую и трудноразрешимую проблему установления формы идеологии, при-сущей древнему населению Алтая и всей Южной Сибири. С этим вопросом мы уже встретились, анализируя образцы наскальных надписей, хранящиеся в Республиканском краеведческом музее Горного Алтая. Все большее число фактов склоняет к признанию раннего (уже с VIII в.) и широкого распространения здесь манихейской религии.

Заключение

Рассмотрение рунических надписей, хранящихся в фондах Республиканского краеведческого музея в Горно-Алтайске, закончено. Их описание и разбор, конечно же, нелегки для читателя, но не следует думать, что они адресованы лишь специалистам по эпиграфике. Этой утомительной работы нельзя избежать, если мы хотим получить твердые выводы. Нельзя избежать и этого сложного чтения, если мы хотим знать, почему наука утверждает одно и отвергает другое. Уважая собственное дело, автор этих строк стремился предоставить коллегам и всем заинтересованным лицам возможность проверить каждый сделанный им шаг, оценить основания всякого приведенного умозаключения.

Отсюда следует первый вывод, вновь очень важный не только для профессионалов-тюркологов: серьёзное изучение древних надписей возможно лишь при специальном исследовании их подлинников. Только возможность изучить оригиналы привела меня к изложенному здесь новому восприятию и прочтению таких давно известных письменных памятников, как строки туяхтинского сосуда и камней Бичикту-Бома, привлекающих внимание ученых вот уже более 60 и 45 лет.

Общественности Алтая в этой казалась бы сугубо академической ситуации необходимо уяснить основное: всемерное сбережение разбросанных по Республике древних надписей - важнейшая и общенародная задача. Чтобы понять эти сквозь века идущие слова предков, учёным необходимо будет вновь и вновь исследовать сами надписи, а не их фотоснимки или иные копии. Говорить это мне дают право результаты поездки 1994 г., когда не удалось изучить наскальные надписи близ Мёндур-Соккона, взорванные при добыче камня строителями дороги, или близ Усть-Кана, разрушенные участниками районного праздника, погибла и часть надписей Бичикту-Бома. Только сознательное бережное отношение может ещё спасти уникальный памятник у самого полотна Чуйского тракта - скалы горы Ялбак-Таш, самого крупного в Южной Сибири скопления рунических надписей (там удалось обнаружить 29 строк).

Не станет ничего этого и, как встарь. Алтай будет манить людей лишь природными красотами да абориген-ной экзотикой, а не стремлением постичь мудрость и духовные искания грамотеев-предков, ничем не уступавших в образованности и культуре самым цивилизованным районам средневекового мира. Многие ли места в Евразии могут привлечь к себе письменными памятниками VIII . IX или X вв.? Мы хорошо знаем целые страны, в которых в то время не ведали грамоты на родном языке, известны нам и государства, где от названных эпох не уцелело ни одного текста. На Горном же Алтае, нам и сегодня доступны подлинные раннесредневековые надписи, сохранившие мысли и чувства давным-давно ушедших людей. Давайте осознаем это.

Следующее очень важное заключение проделанной работы по изучению надписей тесно связано со всем сказанным. Оно состоит в том, что эпиграфическое собрание горноалтайского музея, незначительное по числу текстов (к тому же очень кратких: в основном по 5-6, максимум до 15 букв), оказалось весьма и весьма значительным с точки зрения исторической и культурной ценности. Прежде всего эти письменные памятники открывают для нас широту и глубину проникновения письменности в самые разные сферы местной раннесредневековой жизни. Строки рунических письмен оказались нанесёнными на самые обыденные (роговой инструмент) и роскошные (серебряный кубок) предметы, а будучи вырезанными на сильных плоскостях, стали частью алтайской природы. Достаточно этих пяти надписей и для того, чтобы утверждать - руническая грамота существовала на Алтае на протяжении нескольких столетий: изученные тексты созданы в период от 40-50 гг. VIII в. до рубежа IX и X вв.

Наши надписи отражают и многообразие, и ход истории письменной культуры на Алтае в это время. Надпись из Купчегеня (самая ранняя в музейной коллекции) выполнена знаками орхонского алфавита. Его в качестве официальной! государственной письменности применяли в двух раннесредневековых центральноазиатских державах - во Втором Восточнотюркском (683-744 гг.) и Уйгурском (745-840 гг.) каганатах. Купчегеньская надпись указывает, что территория Горного Алтая входила в зону распространения уйгурского орхонского письма, т.е. по крайней мере в культурном (возможно, и в политическом) плане принадлежала к сфере уйгурской государственности середины VIII - первой половины IX вв. Этот вывод подтверждается недавно найденной наскальной надписью Бичикту-Бом V . также выполненной младшей орхонской письменностью уйгурского периода. Следы былого широкого применения орхонского письма встречаем во многих наскальных надписях Алтая, выполненных уже иной рунической азбукой - енисейской письменностью, но всё ещё сохраняющих привычное орхонское написание некоторых букв. Знак для ^т орхонского происхождения даже стал особой отличительной чертой алтайских текстов енисейского письма. Это явление также может быть показано на примере экспонатов Республиканского музея: буква *>\$m* в надписи Туяхта 2. как и знаки *Rb "* и *>\$* in во второй строке текста Бичикту-Бом 11/1. имеют орхонский облик.

Орхонская письменность не осталась единственной грамотой, которой владели на Горном Алтае, вслед за ней здесь распространяется енисейское письмо. Судя по наскальным надписям, эта новая руническая азбука нередко усваивалась теми же людьми, что уже знали орхонское письмо (отсюда и появление в надписях букв разного происхождения). Но известны и надписи, созданные сугубо енисейскими знаками. В музейном собрании такова строка Бичикту-Бом II/2.

Именно к енисейскому письму принадлежит большинство известных рунических надписей Алтая. Нет сомнения, что эта письменность не только получила здесь повсеместное распространение, полностью вытеснив орхонское письмо, но и применялась на протяжении не одного столетия. Енисейская письменность была официальным письмом Древнехакасского государства и её широкое распространение на Алтае указывает на вхождение горной страны в эту южносибирскую державу, объединившую всё население Саяно-Алтайского нагорья на долгие четыре-пять веков (не позднее середины IX в. и до начала XIII в. с возрождением общего правления в 1273- 1293 гг.). Стелы Бар-Бургазы I и II . как и Талду-Айры показывают даже проникновение на юго-восточный Алтай характерного древнехакасского обычая создания надгробных надписей, вырезанных на стелах в направлении снизу вверх. Также вертикально снизу вверх размещены и многие надписи на скалах (эту манеру демонстрируют и камни Бичикту-Бома, хранящиеся в музее). На длительность применения енисейской азбуки указывает и сам факт выработки особого её графического алтайского варианта.

Черты именно этого местного варианта енисейского письма демонстрируют надписи на туяхтинском кубке и бичиктубомском камне - эти памятники доказывают существование на Алтае не только приезжих, но и собственных грамотеев. Сохранение и широкое применение своеобразных черт рунического письма без всяких сомнений указывает на существование здесь и собственных школ, преподававших енисейское письмо, но отличавшихся от прочих своими особыми традициями.

Об этом же говорят и весьма характерные отклонения от классического рунического правописания, систематически встречаемые в енисейских надписях Горного Алтая. Только при учёте этой своеобразной орфографии удалось прочитать надписи туяхтинского сосудика и строку Бичикту-Бом И/2. С меньшей уверенностью, но все же весьма правдоподобно, как мы видели, можно отметить применение того же правописания и в тексте на купчегеньской пластине.

Обосновывая прочтения, уже довелось показать, что особенностью этого правописания было несоблюдение коренного правила всех азиатских рунических письменностей - применения двух внешне различных букв для одного согласного (одна из форм отражала его сопряжение с мягким, а другая с твёрдым гласным звуком). Здесь следует сказать о природе этого интересного явления.

Во всех подобным образом написанных текстах приходится иметь дело не с единичными ошибками, связанными с неточным употреблением на письме отдельных рунических знаков, а с систематическим несоблюдением норм классической рунической орфографии. При этом во всех случаях и весьма последовательно применены мягкорядные руны вместо твёрдорядных знаков. Такую орфографию с формальных позиций можно было бы охарактеризовать как малограмотную. Но, думается, что такое заключение было бы поверхностным, ибо не позволило бы верно определить причину свойственных для неё отклонений.

Даже плохие успехи в овладении рунической письменностью прежде неграмотным человеком не могли бы привести к систематическому нарушению норм классической орфографии, будь им изначально верно осмыслен главный принцип этого письма, основанного на выборе соответствующей буквы из пары знаков для согласных. Были бы допустимы лишь единичные (пусть и частые) неверные употребления. Наблюдаемая нами картина должна иметь другую природу.

Правописание наших надписей свидетельствует о том, что в этих случаях руническому письму обучились уже грамотные люди. К этому моменту их сознание уже накрепко впитало в себя правила иного, принципиально отличного письма, не знавшего графического противопоставления знаков в зависимости от качества гласных звуков слова (а таковым является большинство письменностей того времени, прежде всего алфавитные системы). Именно эти предшествующие и глубоко усвоенные знания препятствовали писцам и резчикам в осуществлении коренных норм рунической орфографии. Подобным образом иногда пишут руническими буквами наши интересующиеся древностями современники, с детства знакомые с алфавитным принципом письма по-русски или по-алтайски.

Таким образом, примеры рунической малограмотности в данном случае оказываются редкими свидетельствами обширных знаний средневековых тюрков, владевших несколькими принципиально различавшимися системами буквенного письма. В связи со сказанным важно отметить, что размещение надписей, демонстрирующих выделяемый орфографический тип, указывает на существование людей, владевших несколькими системами письма (и изучивших неруническую грамоту ранее рунической), на всем Горном Алтае.

Случаи применения рунического знака для твёрдого узкого губного гласного > и (o) вместо правильной буквы Г 4 для мягкого узкого губного звука и (б) (как это сделано в слове *kiimus* в надписи Туяхта 1) указывают на то, что письмо, освоенное писцом ранее рунического, не знало отдельных обозначений мягких губных гласных, т. е. очевидно, не имело отношения к тюркским языкам. Таковыми являлись, например, все раннесредневековые письменности ираноязычных народов (не имевших и в речи мягких губных звуков), в частности - манихейское

письмо Следовательно, рассматриваемая ситуация позволяет наметить и ту первоначальную грамоту (и. веро- ятно, язык), которую получали люди, в дальнейшем обучавшиеся руническому письму: наиболее вероятно, они получали манихейское образование (овладевая каким-то из иранских письменных языков). Кроме приведённых наблюдений, об изучении манихейскими книжниками рунического письма (и. следует полагать, древнетюркского языка) свидетельствуют и иные данные. Прежде всего известно, что именно манихейство применяло в своей ре-лигиозной практике (наравне с собственным сакральным, так называемым манихейским письмом и уйгурским курсивом) ещё и рунические алфавиты. Здесь нельзя не упомянуть рукописный фрагмент, найденный в 1905 г. в Восточном Туркестане. - учебную запись рунической азбуки, каждый знак которой сопровождается пояснением на манихейском письме" 4 . Известны также происходящие из тех же мест фрагменты двух документов (Т.М.330 и Т.М.399), начертанные орхонским руническим письмом, но на иранском языке 145 .

В связи со сказанным находится, вероятно, и интересная особенность нанесения надписей Туяхта 2 и Купче-гень (как и тамги I на серебряном сосуде). Вопреки общему направлению рунического письма справа налево, ка- ждый отдельный знак там выводился слева направо. Эту картину следует объяснять привычкой писать слева на- право, сложившейся у резчиков до овладения ими рунической письменностью, т.е. предшествующим их образо- ванием, связанным с иной системой ведения записей.

Думаю, что всё изложенное, позволяет заключить: на Горном Алтае в раннем средневековье действовали ма- нихейские миссионеры. В их руках находилось и преподавание местному населению рунической грамоты. Наи- более надёжно эта ситуация восстанавливается по надписям IX - X вв. - времени вхождения Алтая в единое юж-ноенбирское Дрвнсахакское государство. - но распространение манихейства здесь может быть и более ранним явлением.

По-видимому, об этой мировой религии средневековья, знавшей единого бога, говорит обозначение божест-ва словом "всемогущий" (уауа) в купчегеньской надписи. В этом случаестораживает лишь довольно ранняя дата надписи, получаемая по палеографическим наблюдениям. - в 40-50 гг. VIII в. манихейство не было ещё официальной религией Уйгурского каганата (стало с 763 г.). Быть может, перед нами одно из наиболее ранних свидетельств проникновения манихейства в тюркоязычную среду. Возможно и палеографические признаки были длительнее.

Разобранные надписи вносят много нового в наше понимание духовного мира средневековья. Купчегеньская находка впервые свидетельствует об обычае приносить предметы в дар божеству. Может быть, именно эта осо- бенность культа поможет в дальнейшем точнее определить религиозную принадлежность человека, оставившего этот редчайший письменный памятник.

Явную и общую для всей Южной Сибири в IX - X вв. традицию обращаться к богу при помощи нанесения на- скальных надписей демонстрируют оба кратких текста Республиканского музея, происходящие с утёса Бичикту- Бом. Их содержание отразило упование писавших на явление божества каждому воззавшему к нему верующем)' . Для постижения до сих пор неведомых нам средневековых воззрений важно отметить, что согласно этим надпи- сям, бог предстал не перед молящимися праведниками, а перед кающимися грешниками, приходил на помощь отчаявшимся. Надписи свидетельствуют об особой морали верующих и об их стремлении к духовному самосо- вершенствованию. Характерной чертой этой религии была и уверенность в том, что божеству лично известен ка-ждый его приверженец (надписи не содержат собственных имён). Это обстоятельство ясно указывает на то. что местное общество уже поднялось до определённой степени осознания роли отдельно взятой личности.

Семейно-личные. а не родовые тамги нанесены на донце туяхтинского сосудика. Содержание оставленных на нём надписей (при сравнении с подобными начертаниями на кубках из Хакасии) позволяет выявить и некото- рые характерные черты социально-экономического развития раннесредневековой Южной Сибири. Речь идёт о существовании здесь особой формы податей, выплачиваемой не простолюдинами-кыштымами. а одними прави-телями другим. Известное по летописям соседей сложное устройство местного общества того времени получает вещественное воплощение. Приношения в виде пиршественной посуды, изготовленной из драгоценных металлов. и

называемые kuniis "серебро". отражали существовавшее подчинение местных князей владыкам-сюзеренам.

* * * Итак, изучение только пяти кратких письменных памятников Республиканского музея позволяет во многом совершенно иначе, чем принято, воспринять культурный уровень населения Горного Алтая в раннем средневековье. Вопреки расхожим представлениям, эта страна оказалась:

- не царством вечного родового строя, а частью высоко развитого средневекового государства, знавшего социальную и экономическую иерархию, отразившуюся в системе податей (kullfiS);

- не миром варварской кочевой стихии, а краем грамотных и хорошо образованных людей, знавших несколько систем письменности сразу (и возможно, пользовавшихся несколькими различными языками):

- не владением одного лишь исконного шаманизма, а местом духовных исканий, присущих мировым моно- теистическим религиям, поприщем активной миссионерской деятельности.

Трудно даже представить, какие знания о прошлом даст нам изучение всего того бесценного богатства, которыми являются многочисленные рунические надписи Алтая. Будем же беречь наследие мудрых предков и избавляться от собственного невежества.

Список иллюстраций к статье

1. Сосудик из кургана 3 у д.Туяхта (У), общий вид знаков и надписей на его донце (2). Детали : тамга I (3). тамга II (-/), надпись 1 (5), надпись 2 (6).
2. Туяхтинский сосудик. Порядок нанесения знаков и букв: 1 - ранняя тамга, 2 - поздняя тамга, 3 - знак правее надписей, 4 - буквы первой надписи, 5 - буквы второй надписи.
3. Донце серебряного сосудика из кургана 17 могильника Сапогово (Кузнецкая котловина). 1 - общий вид (прорисовка автора), 2-7 - тамги.
4. Общий вид надписей Бичикту-Бом II/1-2. Прорисовка.
5. Первая надпись Бичикту-Бом II. Прорисовка.
6. Вторая надпись Бичикту-Бом II. Прорисовка.
7. Вторая надпись Бичикту-Бом II. Порядок нанесения знаков.
8. Роговое изделие (1), найденное близ д.Купчегень, с вырезанной на нём надписью (2). Прорисовка
9. Последовательность начертания знаков купчегеньской надписи.
10. Видоизменение знаков орхонского письма для t': 1,2 - первая треть VIII в.; 3,4 - вторая треть VIII в.; 5 - последняя треть VIII в.; 6 - GX и X вв. Надписи: Тоньюкука (/), Куль-тегина и Бильге-кагана (2), реконструированная форма (3), Купчегень (4\ Моюн-чура, Терхинская и Тэсинская (5), Карабалгасунская стела и восточно-туркестанские РУК01ШСИ (6).

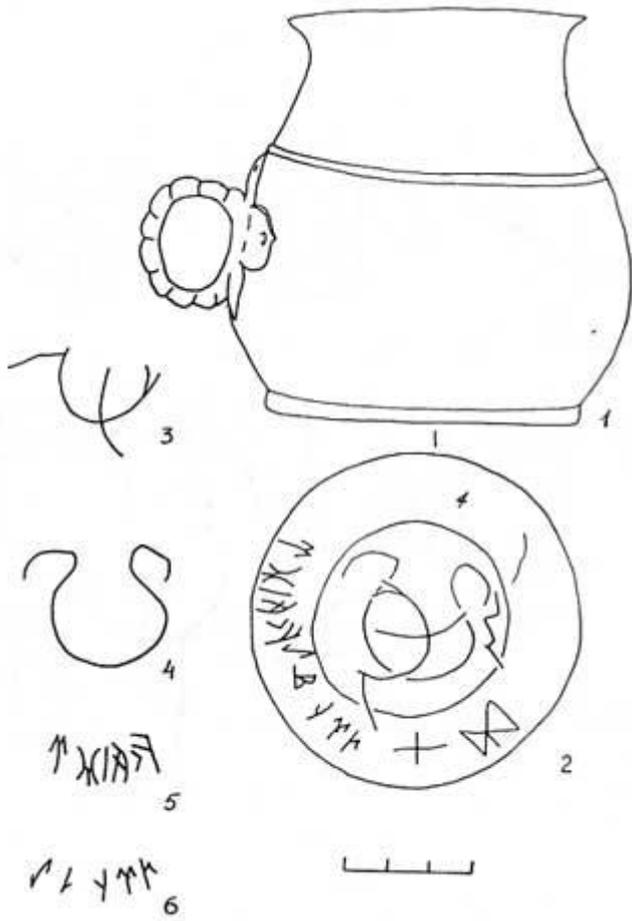

Рис. 1

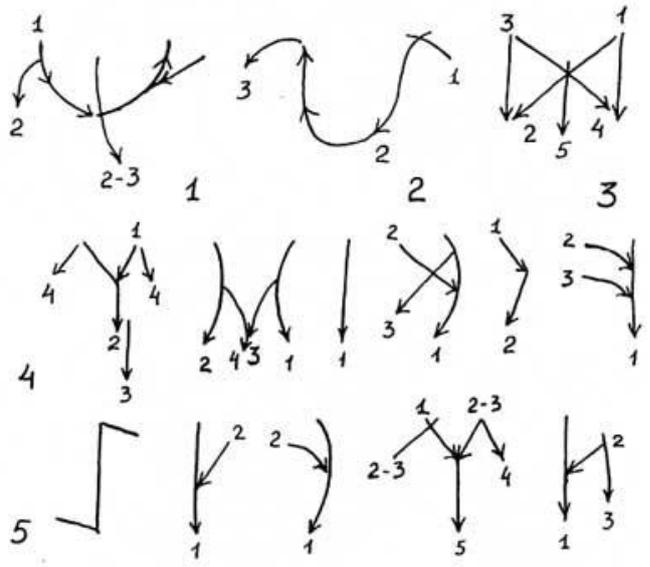

Рис. 2

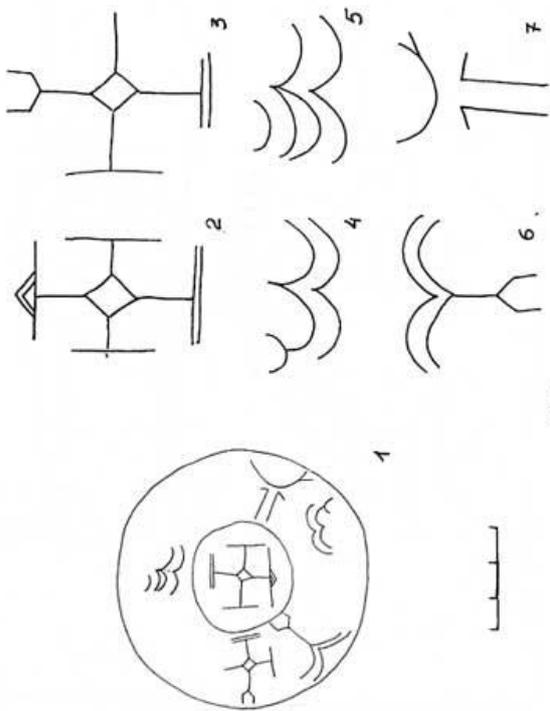

Рис. 3

Рис. 4

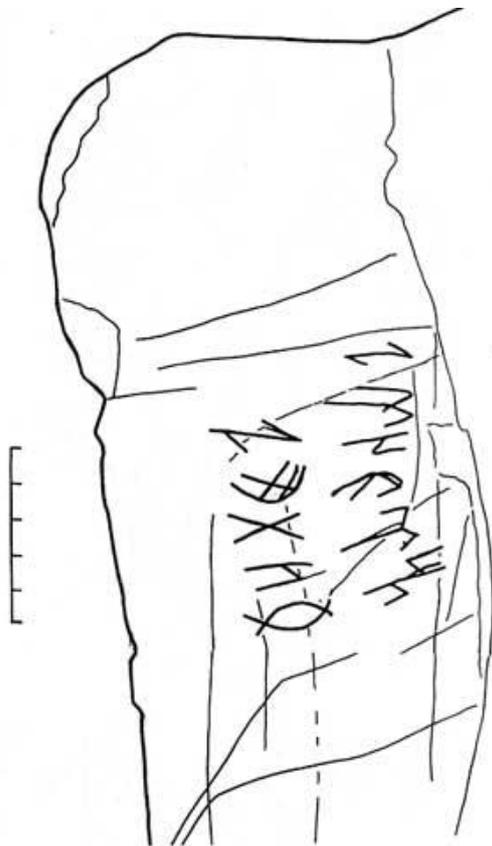

Рис. 5

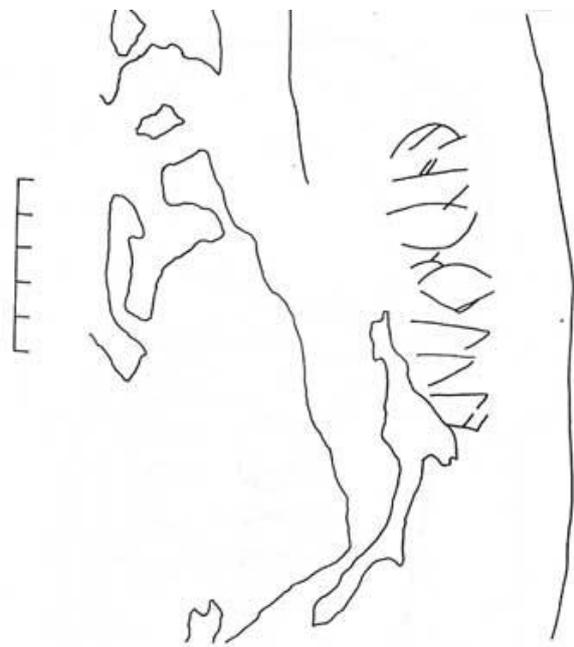

Рис. 6

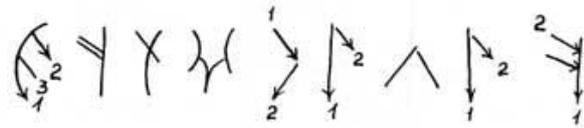

Рис. 7

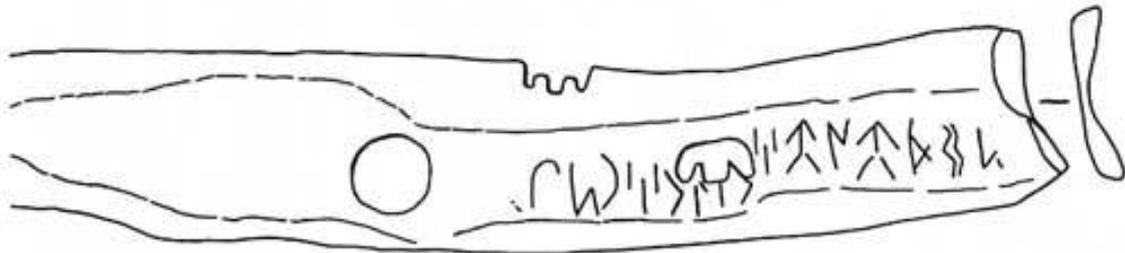

Рис. 8

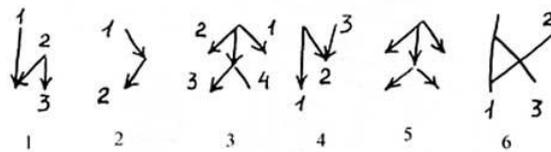

Рис. 9

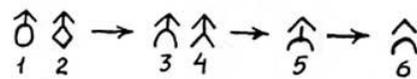

Рис. 10